

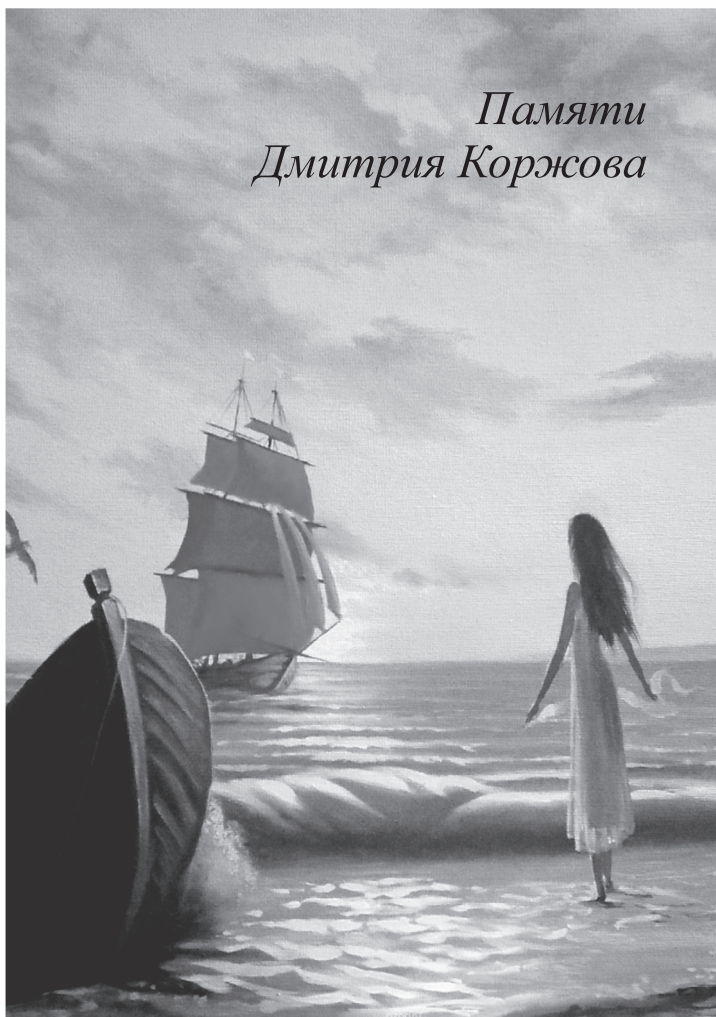

КАПИТАН ГРЭЙ

XIV форум-фестиваль. Мурманск 2024

КАПИТАН ГРЭЙ

XIV форум-фестиваль.
Мурманск 2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
К-20

Составитель:
Дарья Высоцкая

Оформление обложки –
фотография Анны Лингвар.

В альманахе использованы фотографии Натальи Бакуменко,
Олега Филонка, Елены Коваленко, Ирины Четверговой,
Льва Федосеева, Татьяны Ворон, гостей и участников фестиваля.

К-20 Капитан Грэй

Капитан Грэй. Альманах – Мурманск: Дроздов-на-Мурмане,
2024. – 114 с.

Книга издана на средства субсидии
Министерства культуры Мурманской области.

© Мурманская областная общественная
организация Союза писателей России, 2024
© Издательство «Дроздов-на-Мурмане», 2024

Содержание

От составителя. Дарья Высоцкая	4
Вечный капитан Грэй. Алексей Витаков	5
Впередсмотрящий. Илья Виноградов	7
Направление движения. Андрей Звягин	9
Прогулка с росомахой. Алексей Бусс	11
И за рулем командует Коржов. Дмитрий Филиппенко... ..	14
Мера человечности. Ирина Четвергова	16
Дмитрий КОРЖОВ	18
РАБОТЫ УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ	
Полина Ярыгина (Самара)	28
Экзистенциальный трамвай (Санкт-Петербург)	32
Владимир Победа (Мурманск)	35
Алена Ценина (Санкт-Петербург)	45
Марина Но (Мурманск)	50
Николай Киселев (Санкт-Петербург)	57
Егор Сергеев (Санкт-Петербург)	61
Александр Гриневский (Москва)	65
Анна Пролазова (Ивантеевка)	69
Екатерина Спиридонова (Санкт-Петербург)	74
Анастасия Набока (Бараит)	79
Софья Князева (Барнаул)	83
Софья Вороная (Тамбов)	89
Варвара Лачек (Санкт-Петербург)	92
Юрий Сычев (Лазница)	98
Соня Флит (Томск)	106
Юлия Колмогорова (Североморск)	110

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В сентябре 2024 года состоится 14-й литературный фестиваль «Капитан Грэй», который без преувеличения можно назвать центральным ежегодным событием литературной жизни Мурманской области.

И впервые «Грэй» пройдет без Дмитрия Валерьевича Коржова, одного из основателей и постоянных организаторов фестиваля. В декабре 2023 года нашего мастера не стало.

Здесь Дмитрий Валерьевич раскрылся прежде всего как наставник, соратник, тонко чувствующий критик, мастер, к которому хотели попасть на семинар молодые авторы из разных регионов нашей страны. Об этом, о первом знакомстве с мастером, о том, как фестиваль был придуман, рассказывают эксперты, организаторы литературного процесса в России, авторы, на жизнь и творчество которых повлиял Дмитрий Валерьевич.

Благодаря большому количеству QR-кодов альманах этого года намного объемнее своих напечатанных страниц. Отсканировав код с помощью телефона, вы сможете легко найти последний роман Дмитрия Коржова «Полюшко-поле», опубликованный в «Нашем современнике», или подписаться на обновления в группе памяти писателя, которую бережно ведет поэт Юлия Колмогорова.

Конечно, альманах не состоялся бы без ярких и талантливых участников фестиваля, их работы ждут читателя во второй части книги. В этом году среди самых интересных авторов много ребят из Мурманской области - и это хочется отметить отдельно. Ведь за годы существования фестиваль из регионального вырос во всероссийский, а значит, увеличилась и авторская конкуренция. Подробнее познакомиться с творчеством наших участников вы сможете также при помощи QR-кода, размещенного рядом с именем каждого автора.

Фестиваль «Капитан Грэй» проводится 14-й год подряд, это уже большая, значительная история в современной литературной жизни и нашего региона, и страны. Есть в этой истории и невосполнимые, трагические потери, есть и новые открытия, дарящие надежду. Но самое главное, что эта история продолжается, и мы не только причастны, но и в силах стать ее соавторами.

*Дарья Высоцкая,
составитель альманаха,
член оргкомитета литературного
фестиваля «Капитан Грэй»*

ВЕЧНЫЙ КАПИТАН ГРЭЙ

Поэтический талант дает многое, когда он сочетается с хорошим вкусом и направляется сильной мыслью. Чтобы художественное творчество одерживало большие победы, необходимы для него широкие умственные горизонты. Только культура ума делает возможной культуру духа.

Поэтическое восприятие жизни, всего окружающего нас – величайший дар, доставшийся нам от поры детства. Если человек не растеряет этот дар на протяжении долгих трезвых лет, то он поэт или писатель.

В Дмитрие Коржове было все: культура ума, культура духа, широкие когнитивные горизонты, а главное – бесценный дар поэтического восприятия жизни, который он пронес через всю свою недолгую жизнь. До обидного недолгую.

Однажды, будучи еще молодыми, мы собрались в круг и поспорили – кто первым назовет 100 своих любимых поэтов. И непросто назовет, а процитирует хотя бы несколько строк из каждого. Было нас пятеро, проигравшие ставили по бутылке коньяка. Игра длилась недолго, где-то через полтора часа Дима оторвался от исписанных листов бумаги и посмотрел на нас смеющимися глазами: «Ну, я готов!» Мы были изумлены: «Ну давай, коли так!» И началось настоящее пиршество Ее Высочества Поэзии. Дима называл автора и цитировал строки по памяти. Где-то на середине его списка мы поняли – пора доставать коньяк. Это было невероятное действо, сродни захватывающему фильму – упоение, страсть и немыслимый драйв. Когда он закончил, повисла пауза восхищенных сердец. И вдруг: «Ребята, а хотите ещё сотню?» – Дима улыбался.

Это была «звездная» ночь мурманского поэта Дмитрия Коржова. Мы потеряли счет цитируемым поэтам. Просто сидели и слушали, откинувшись на спинки переделкинских стульев. И только в самом конце он прочитал одно свое стихотворение – про черную трубку.

«Нужно читать и уважать только те книги, которые учат понимать смысл жизни, понимать желания людей и истинные мотивы их поступков». «Я люблю книгу: каждая из них мне кажется чудом, а писатель магом, я не могу говорить о книгах иначе, как с волнением, с радостным энтузиазмом».

Максим Горький

Дима часто цитировал эти строки Максима Горького.

– Как же мне не хватает наших литературных посиделок в общаге

литинститута! – повторял он, грустно опуская голову.

– Дима, так в чем дело? Я провожу несколько лет межвузовский литературный форум им. Н. С. Гумилева «Осиянное слово». Давай сделаем в Мурманске отборочный этап.

Так родилась идея литературного конкурса на Кольском полуострове. Откуда-то мне залетело в голову название «Капитан Грэй». Ну, море, океан рядом, все такое...

– Нет! – радостно закричал Дима. – Не просто так тебе залетело. У нас в Оленегорске есть яхта с алыми парусами.

Так появилось место проведения. А потом Светлана Сатдаровна Чемоданова и ее гостеприимный ДК.

Это было удивительное время. Время литературных открытий, запредельного энтузиазма и большого Диминого счастья. Мы вычитывали рукописи, говорили о творчестве сутки напролет, спорили до хрипоты. Дмитрий Коржов явил себя очень зрелым и ответственным организатором.

Он работал над каждой рукописью с таким тщанием и истовой энергией, что порой за него становилось страшно. Но вместе с тем я понимал, что настоящий, большой проект может родиться только так – через честность и преданность своему делу.

И проект действительно родился – в болях, муках, иногда в конфликтах и острых ситуациях.

Сегодня «Капитан Грэй» – один из лучших литературных проектов страны. Стараниями Дмитрия Коржова на Кольскую землю приезжают самые интересные авторы, самые незаурядные организации и организаторы. И плывет яхта с алыми парусами, плывет, бороздя океаны литературных творений, жаль только, что уже без Димы.

Дима – ты наш вечный капитан Грэй!

*Алексей Витаков,
поэт, прозаик, автор-исполнитель,
эксперт и один из создателей
литературного фестиваля-форума
«Капитан Грэй»*

ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ

Когда я впервые лет 10 назад участником пришел на «Грэя», Дмитрий Коржов там был уже мэтром. Нет, не уже, а изначально – мэтром и, более того, одним из создателей фестиваля. Тогда фестивальчик был маломасштабным, хотя и очень атмосферным и серьезным по уровню разборов. Витаков, Трусков и Коржов были главными мастерами и экспертами, хотя таких терминов тогда, насколько помню, еще не было и в помине. Они вели семинары. Точнее, один-единственный семинар, где чередовались авторы-исполнители, поэты и прозаики.

Дмитрий всегда был категоричен. Но в этом ни на грамм не было ни высокомерия, ни неприязни к кому-то из участников. Но всегда была высокая планка качества, мерило настоящей литературы. Как у тренера в профессиональном спорте. Или у хорошего комбата. Жесткость нужна была как раз для самих участников – чтобы иметь возможность вырасти над собой, без поблажек и оговорок, скидок на молодость, местечковость. Если уж идешь в большую литературу – будь добр ей соответствовать.

Соответственно, те, кто не готов был расти, расстраивались и обижались. Но были те, кто именно благодаря таким семинарам совершали серьезный рывок. Ярче это проявилось, когда «Грэй» переехал в Мурманск и разросся до десятка параллельных семинаров. Были те, кто просился на семинар именно к Коржову, и это были заведомо настоячивые авторы с видами на саморазвитие. Были и избегавшие его. Что ж, профессиональная литература, как и профессиональный спорт, – не для каждого.

Но тянувшихся к Дмитрию было все-таки больше. И не только на фестивале, но и в ЛИТО «Мурман», которым он бессменно руководил более 20 лет. Влекли его невероятная начитанность, способность к анализу, преданность литературе.

Литература была для него неким абсолютным явлением – как жизнь, как Бог. Если человек был ему лично несимпатичен или даже они враждовали, но тот писал хорошие стихи, Дмитрий все равно бы сказал, что стихи хорошие. «Гад, конечно, но стихи пишет здорово». И наоборот – поблажек на дружбу при разговоре о стихах он, как правило, не делал никому.

Он очень любил «Грэя». Это был для него настоящий праздник – праздник слова, общения, единомыслия. И когда «Грэй» ютился в Оленегорске или вовсе в палаточном лагере, и когда занял все 4 этажа областной научной библиотеки. БОльшим праздником, была, пожалуй, разве что «Осиянка» – межвузовский литературный форум им. Гумилева «Осиянное слово» – в намоленных стенах Переделкина, своего

рода столичная «мама» «Грэй», куда приглашались финалисты нашего и ряда других фестивалей. Ее он ждал с нетерпением и каждый раз возвращался оттуда очень воодушевленный. По несколько суток кряду читал, слушал и разбирал стихи, спорил с экскурсоводами на писательских дачах, общался ночи напролет. И всегда старался взять туда побольше мурманчан.

Единственный раз, когда я его видел на «Осиянке» расстроенным, – когда он вдруг, простывший, потерял голос. «Это же мое оружие!» – с неподдельной, наивной грустью шептал он. Но от семинаров не отказался. Голос, конечно, быстро вернулся, и это оружие помогло еще очень многим.

Как бы ни изменялся «Грэй», как бы ни рос или не уходил в камерность – он всегда останется в том числе фестивалем Коржова, сохранит его настрой, его устремленность на большую литературу, на литературное братство; Димино присутствие всегда будет незримо ощущаться на каждой площадке, в каждом фестивальном закутке, пока там говорят о литературе и звенят гитары, пока звучат стихи и проза.

Илья Виноградов,
*поэт, прозаик, руководитель оргкомитета
литературного фестиваля «Капитан Грэй»*

НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ

А вот хорошо, что память зафиксировала детально ту нашу первую встречу.

Ноябрь. Остывающее Переделкино. Но здесь, в Доме творчества писателей, очень горячо. Литературный форум «Осиянное слово».

Оказался я там почти случайно, мало того, еще и вне конкурса, потому что «старый», но отец-основатель форума писатель Алексей Витков сказал:

«Приезжай! Одна «Осиянка» как первый курс литинститута».

Я в мастерской, которую ведет Дмитрий Коржов. Стихи, обсуждения, споры. Коржов разбирает тексты крепко, ни с кем не сюсюкаясь, но и не обижая. Четко показывая, где автор накосячил и как это можно исправить. Одно слово – профи.

В финале он давал советы и рекомендации, обращаясь к каждому. Неизменное коржовское: «Ребята, надо много читать, надо искать своих авторов, тех, опираясь на кого, – он споткнулся, глядя на меня, вздохнул. – Андрей, я понимаю, что у вас времени осталось мало...»

Секундная тишина, и голос Дмитрия утонул в дружном хохоте.

Он пытался как-то разгрузить обстановку, сбивался, может даже оправдывался, думая, что обидел меня, но на удивление мое прибитое разбором стихов настроение, заметно взбодрилось.

– Дмитрий, я думаю, времени у меня теперь навалом.

Именно в этот момент зародилась наша дружба.

Я обращался к нему на «вы», он сначала сопротивлялся, но потом принял это.

Он никогда не отказывал в совете. Можно было запросто позвонить, задать какие-то свои вопросы касаясь творчества, и он находил, не просто ответы, а понятные ответы.

Так было и тогда, когда я позвонил и между делом пожаловался, что стихи, уже несколько месяцев никак в голову не лезут. «Ну, так пиши прозу», – легко отмахнулся Дмитрий. Но вот как и о чем, он не сказал. У меня были разношерстные наброски детских историй. Я написал два текста и отправил ему.

«На фига тебе это?» – ответ был короче выстрела, хотя несколько пометок он сделал. Я исправил, написал еще две истории и отправил опять.

– Ты знаешь, в этом что-то есть, продолжай.

Я писал рассказы, он вычитывал и правил, а через год получилась книга. Моя первая книга в прозе. Дмитрий написал удивительное предисловие, которое теперь я считаю его личным автографом мне. И когда организаторы предложили приехать в качестве эксперта на

литературный фестиваль «Капитан Грэй» в Мурманск, да еще и в одной мастерской с Дмитрием Коржовым и Алексеем Витаковым разбирать стихи, я понимал, что это аванс, это они дают мне шанс шагнуть на новую ступень.

Потом были курсы в литинституте, в 50+ за парту.

Я долго сомневался – зачем, а Коржов просто отрезал: «Даже не думай, иди».

Спасибо вам, мастера, направление движения показали верное.

Я не удаляю номер его телефона, знаю, он не сможет ответить, просто в мелочной суете и липкой бытовухе жизни, листая контакты в телефонной стекляшке, найти его номер, вспомнить его узнаваемый голос и подумать – он жив...

*Андрей Звягин,
поэт, прозаик,
эксперт литературного
фестиваля «Капитан Грэй»*

ПРОГУЛКА С РОСОМАХОЙ

Яркое, непривычно низкое солнце, которое не греет, а только слепит и путает, – вечер? утро? Просторный, местами даже пустынный какой-то город, стылый ветер с залива тянет через мостовые и тротуары первую сухую поземку... В Мурманске октябрь, больше похожий на декабрь в моем Поволжье. Холодно, но – почему-то уютно и радостно мне в заполярном порту в один из дней фестиваля «Капитан Грэй». Наверное, потому, что гуляем мы в этот час с моим другом, писателем Александром Рыжовым и его супругой Ольгой по улицам, улочкам и лестницам (о, они здесь, на сопках, не менее важны, чем улицы!) Мурманска, а ведет нас, выступая заправским и увлеченным экскурсоводом, Дмитрий Коржов, по приглашению которого, собственно, я и попал в Заполярье...

На этот момент я знаком с Димой Коржовым уже едва ли не два десятилетия и... несколько часов. Да, так получилось – тот же Саша Рыжов однажды свел нас, молодых тогда поэтов, и повод для знакомства был весьма литературным – Рыжов с Коржовым задумали свое поэтическое движение, некий «...-изм», философского содержания которого я сейчас уже и не припомню, но тогда – поддержал горячо и искренне. Естественно, делалось это все заочно, удаленно, как сейчас бы сказали. Из амбициозной нашей затеи ничего не вышло, но знакомство с Димой сохранилось, осталось и со временем переросло в переписку по электронной почте, а позже – в соцсетях. Как-то сами собой появились общие знакомые, издания, друзья, друзья друзей и пр.

И вот только сегодня мы сошлись, наконец, очно – но так, будто просто не виделись какое-то время, как старые товарищи – так бывает, когда человек близок тебе изначально, по духу.

А Дима был близок – стихами, поступками, делами. Все эти годы я с восторгом и даже некоторой завистью следил за его публикациями, поездками, инициативами и успехами. Следил, и восхищался – как можно столько успевать?

А Дима успевал, он для всего как-то находил время... Вот выкроил его и для нашего с Сашей Рыжовым совместного творческого вечера в одной из мурманских библиотек, хотя в разгар фестиваля он, как один из его организаторов, наверняка был очень занят.

После выступления и состоялась эта памятная для меня прогулка – мы провожали Сашу и Олю на вокзал, они уезжали к себе в Оленегорск, а по пути Дима рассказывал о своем любимом городе. Не просто рассказывал – показывал, а иногда и прямо направлял нас по легендарным маршрутам.

Например, по маршрутам героев фильма «Путь к причалу». В моей семье это культовая кинокартина, связанная с детством моей мамы, знакомая мне практически наизусть. И вот мы идем с Коржовым по

Мурманску и постепенно как бы «входим в кадр». – «Вот здесь, – говорит Дима, – шёл Зосима Семенович Росомаха из вытрезвителя в порт, забор все еще тот же, а общая перспектива изменилась...» И вставляли передо мной сцены из фильма, и все вокруг было как будто кино...

Мы о многом говорили во время той прогулки. О Виталии Маслове и заполярной литературе, об иностранных интервентах и конструктивизме, о современной поэзии и о фестивале «Капитан Грэй», конечно.

Это о Маслове, учителе и друге, Коржов написал целый поэтический триптих, где есть такие строки:

*Дарованный свыше учитель,
Испытанный светлый талант –
Он звал меня бережно – «Митя»,
Как матушка в детстве звала.*

Люблю очень полушуточную «теорию рукопожатий»... Так вот, Маслова ведь рекомендовал в Союз писателей Виктор Конецкий! То есть через ученика Маслова и знатока киношных локаций Димы Коржова до автора литературной первоосновы и сценария кинокартины «Путь к причалу» Конецкого, как и до его персонажей, включая Росомаху, – всего два рукопожатия! Вот так переплетаются жизнь и искусство... И об этом тоже много думалось и говорилось во время той прогулки.

Собственно, будучи мастером, или, по-фестивальному, по-грэевски, «штурманом», я приехал в Мурманск более учиться, чем учить. Хотелось посмотреть, как делаются такие форумы, пообщаться с их создателями. Я вообще был согласен на роль наблюдателя, но Дима Коржов, а впоследствии и Илья Виноградов, капитан и фестиваля, и мурманской писательской организации, уверенно направили меня к штурманскому столу своим вопросом: «Готов поработать мастером?»

Конечно, я был готов! Мой опыт руководителя лито и книжно-журнального редактора кому-нибудь да пригодится, а уж мне эта поездка пригодится точно!

И уже на следующий день после той памятной коржовской прогулки я убедился, насколько большой и важный труд был проделан командой фестиваля в таком простом, на первый взгляд, секторе работы, как отбор участников для семинаров. В моем случае это были семинары прозы. Но точно знаю, что и на поэтическом, и других семинарах молодые и начинающие авторы были подобраны со смыслом, интересно, творчески.

Наш с замечательной Светланой Чураевой, мастером из Уфы, «класс» выглядел занимательной мозаикой из начинающих, растущих, цветущих, разновозрастных и разностилевых авторов с разных концов страны. Кто-то только впервые попробовал себя в прозе, кто-то уже добился немалых успехов и тиражей на этом поприще, кто-то вообще только

экспериментирует с формой и содержанием, а для кого-то проза – всего лишь способ изложения собственных воспоминаний... И все, от фантастики до биографических ретроспекций, – не просто интересно, а с какой-то изюминкой, со своей интонацией, со своей непохожестью! Я намеренно не называю имен, хотя и пофамильные списки, и конкурсные произведения, и даже книги многих моих мурманских «семинаристов» – вот они, до сих пор передо мной, а с некоторыми я до сих пор поддерживаю связь, слежу за их творчеством, радуюсь... Не называю, потому что никого не хочу выделять в этой статье, кроме того, кто с таким искусством их отобрал, кто стоял за складыванием этой яркой литературной мозаики.

А это как раз он, мой друг Дмитрий Коржов. Не умаляя лепты, вложенной в фестивальным отбор другими профессиональными писателями и редакторами, все же рискну предположить, что слово Коржова было решающим. И не только потому, что Дмитрий Валерьевич отличался иногда неким максимализмом и резкостью суждений в литературных спорах, но и по причине искренности его и энциклопедической начитанности. А ведь рецензент, хороший рецензент – это, прежде всего, хороший, внимательный читатель.

Участникам фестиваля повезло с таким отборщиком, нам, мастерам – с коллегой и духовным вдохновителем «Грэя», а ведь в моей семинарской группе были еще и участники возглавляемого им литобъединения «Мурман»! Молодые ребята, совсем не похожие друг на друга в своих произведениях, все же имели что-то неуловимо общее в методах работы, в подходе к тексту, в отстаивании своего мнения во время обсуждения рассказа. Чувствовалось, что кто-то волевой и знающий «ставил» им творческий голос, помогал набивать руку, вел за эту руку – то есть все то, что в литературоведении называется «школой», подразумевая и учебный процесс становления писательского мастерства, и некую духовную общность.

Вслед за великими Виталием Масловым и Николаем Колычевым Дмитрий Коржов оставил свой след в мурманской литературной школе. Поручкой тому – фестиваль, молодые писатели, соратники и друзья, разбросанные по всей России и за ее пределами.

Поручкой тому – его стихи, которые с благодарностью теперь повторяют уже в память о Коржове, своем наставнике, его ученики:

*Дарованный свыше учитель,
Испытанный светлый талант...*

*Алексей Бусс,
поэт, прозаик,
эксперт литературного фестиваля
«Капитан Грэй»*

И ЗА РУЛЕМ КОМАНДУЕТ КОРЖОВ...

С Дмитрием Коржовым мы познакомились в 2018 году в Москве в Центральном доме литераторов на выборах, на которых избирался председатель правления Союза писателей России.

В ЦДЛ мы спешили с моим другом Денисом Домаревым, возвращались из литературного «сафари».

А в это время в буфете дома литераторов Александр Чистяков рассказывал Дмитрию Коржову, что в ЦДЛ едут два отличных молодых поэта и организатора. И он будет рад его познакомить с нами.

И вот мы приехали, достаточно веселые и жизнерадостные. И Дмитрий был удивлен, увидев нас. Мы познакомились, пообщались, договорились сотрудничать. После чего Дмитрий и Александр поехали на футбол смотреть матч «Спартак» – «Атлетик Бильбао». А мы с Денисом благополучно опоздали на самолеты. Но это уже другая история...

Спустя полгода мы с Димой встретились в Самаре на фестивале им. Михаила Анищенко, были руководителями семинара поэзии. А по вечерам много общались, узнавали друг о друге. И именно в Самаре мы и подружились.

В 2021 году Дмитрий впервые приехал в Кузбасс, в Ленинск-Кузнецкий, на литературный фестиваль им. Алексея Бельмасова. На том же фестивале были гостями Дмитрий Воденников и Дмитрий Мурзин. И мы сделали эпическую фотографию, на которой были изображены четыре Дмитрия.

На следующий год уже я посетил Мурманск. И Дмитрий меня встретил как хорошего друга, пригласил в студию, где он был руководителем. И тогда я обратил внимание, как профессионально и скрупулезно он занимается с молодыми авторами. Мы посетили Териберку, ледокол «Ленин», «Алешу». И всегда Дмитрий говорил, что Мурманск – лучший город, а «Капитан Грей» – лучший фестиваль.

И мы стали ездить друг другу в гости. В 2023 году Дима посетил Кузбасс целых три раза. Второй раз бельмасовский фестиваль, арт-резиденцию для молодых писателей в музее-заповеднике «Томская Писаница» и включился в большой проект «Писатель в маленьком городе».

В рамках проекта «Писатель в маленьком городе» он приехал в ноябре 2023 года. Мы его встретили в аэропорту с Оксаной Роковой, и он нам показался очень уставшим. У него сильно болели глаза, были красными. И мы заехали в аптеку... Далее мы поехали на запись программы «Литература. Разговор за кружкой чая». Кто бы мог подумать на тот момент, что это последнее большое интервью Димы. И сейчас, пересматривая выпуск, я понимаю, что ответы Димы считаются по-другому. Именно тогда он мне признался, что тяжело болеет сахарным диабетом. В рамках этого проекта Дмитрий собрал более трехсот зрите-

лей, которых он познакомил со своим творчеством и рассказал о Мурманске. В Мысках он встретился со своим другом детства из Междуреченска. Расстались мы с ним в Белове, и я его проводил в Мыски. Тогда я не знал, что я его вижу в последний раз. Ровно через месяц, я выходил из шахты, включил телефон и узнал из сети, что Димы не стало.

Дима был для меня больше, чем другом, – братом. Он всегда помогал, даже по пустякам. Всегда откликался, когда нужно было приехать в Кузбасс и поддержать проект. Когда мне было грустно, я мог позвонить ему среди ночи, и он меня слушал по часу и по два. Последний раз мы с ним говорили по телефону 7 декабря, когда он поздравлял меня с днем рождения.

Кузбасс всегда будет чтить память о Дмитрие. Публиковать в журналах, вспоминать на фестивалях и отмечать в других проектах. В развитие литературы Кузбасса Дмитрий внес огромный вклад.

В 2019 году я у Димы попросил новую подборку в альманахах «Образ». А он сказал, что вместо стихов даст крутой рассказ «Гении в трусах не ходят». Рассказ действительно оказался отличным, и я узнал Диму еще и как прозаика. Теперь я понимаю, что значит для литературы Мурманска его трилогия «Мурманцы».

В апреле 2024 года я приезжал в Екатеринбург, познакомился с братом Дмитрием Максимом. И мы подружились, как будто знали друг друга всю жизнь. Видимо, есть какая-то братская связь. Мы съездили на могилу Димы...

*Полярное сияние ума
И Баренцево море ожиданий...
В Териберке прекрасная зима:
Не нужно мне египтов, турций, даний!*

*Луна на ледовитом рубеже
Висит, как будто бронзовая буква.
В воде дыхание морских ежей,
И под ногами созревает клюква.*

*На ледоколе «Ленин» хорошо –
Любое судно перед ним калоша.
И за рулем командует Коржов...
И охраняет Родину Алеша.*

*Дмитрий Филиппенко,
поэт, эксперт литературного фестиваля
«Капитан Грэй»*

МЕРА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

С Димой Коржовым (тогда для меня Дмитрием Валерьевичем) мы познакомились в феврале 2019 года в Химках. А точнее, это я познакомилась с ним. Незадолго до Всероссийского совещания молодых авторов будущим семинаристам была дана щедрая возможность выбирать себе мастеров из списка. Для меня все имена были новые, я решила почитать, что мастера пишут, и выбрать тех, кто этически и эстетически мне ближе. В сети нашла всех, а вот Коржова – почему-то нет. Написала ему ВКонтакте, попросила прислать стихи, заинтересовалась недавно вышедшей трилогией «Мурманцы», попросила привезти экземпляр... Не помню, выбрала ли я его в мастера, но он в мастерах оказался – вместе с Виктором Кирюшиным, Андреем Шацковым, Кариной Сейдаметовой, – и оказалось, что этически мы совпали. Семинар у нас был очень разноплановый, участники – из разных регионов, в том числе омичи, с чьим творчеством я не была знакома. Помню одну семинаристку... стихи ее, казалось, были пропитаны ядом. Включившись в обсуждение текстов, я то ли в гневе, то ли в недоумении говорила, что читать такое, как и писать, – невозможно, губительно. А из всего, что сказал тогда Дмитрий Коржов, я запомнила только одну фразу: «У Вас, наверное, что-то с душой...» С сожалением сказал, потому что сам он был – душа. Живая, интересующаяся, сложная.

Уже на следующий день я с упоением слушала, как он рассказывал про Славянский ход Мурман – Балканы. Как мне захотелось тоже туда отправиться!

Вернувшись в Омск, я начала читать «Мурманцев» и поняла, что обязательно приеду в Мурманск, только бы повод найти. И он нашелся – литературный форум «Капитан Грэй». Прошло несколько месяцев, и я, впервые в жизни сев в самолет, прилетела в Мурманск. Сибирячка на Кольском Севере – экзотика! Говоря обо мне семинаристам и другим мастерам, Дмитрий Валерьевич сказал: «Она перед Химками написала мне и попросила стихи! Никто. Никогда. Не читает мастеров!» Надо же, как это его поразило! Может, потому, что сам он мастеров читал. И чувство уважения к мастерам, чувство иерархии были в нем сильны (ну еще бы – сын военного!). Про главного своего мастера – Виталия Маслова – Дима рассказывал везде, куда бы ни приехал. Даже книгу про него написал – «Несмиренный живописец», полную внимания, уважения, восхищения талантом и характером своего мастера. Есть у Коржова книга о поэте Николае Колычеве, о нем он тоже часто рассказывал, причем такие истории, которые открывали другим людям глубину поэта. Но эту глубину искал Дима не только в мастерах. О стихах семинаристов он отзывался по-разному, и бывало, что нелестно. Полагаю,

некоторые молодые авторы очень его за это не любили. Однако о чем это все? О единой мере для мастера и ученика. Хочется ведь, читая стихи молодых поэтов, видеть не то, как перебирает автор мусор личных обид, но слышать голос мира, чтобы книгу автора N смело можно было поставить на одну полку с Масловым и Колычевым. Да и Коржовым, конечно, с его «Мурманцами». Но всегда ли возможно разбудить в ученике тот самый голос мира или хотя бы жажду глубины и масштаба? Счастье – когда это возможно!

*Ирина Четвергова,
поэт, эксперт литературного фестиваля
«Капитан Грэй»*

КОРЖОВ ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ
(22.05.1971-27.12.2023)

Поэт, прозаик, критик. Член Союза писателей России (2002). Родился 22 мая 1971 года в Перми в семье офицера. Детство прошло в местах службы отца. В 1984 году с родителями переехал в Североморск, где в школе № 1 получил среднее образование, с 1997 года жил в Мурманске. В 1995 году окончил историко-филологический факультет МГПИ, в 2002 году – заочно Литературный институт им. А. М. Горького. Работал обозревателем в редакции газеты «Мурманский вестник», освещал

вопросы литературной жизни области, был редактором еженедельного номера. Журналистский псевдоним – Вячеслав Береснев.

Стихи писал со школьной скамьи. Первый сборник выпустил в 1992 году, за который стал лауреатом областной литературной премии им. Баева-Подстаницкого (1993). В дальнейшем выходили другие поэтические сборники. В середине нулевых годов перешел на прозу, выпустил трилогию «Мурманцы» – серию «биографических» романов о городе Мурманске и его жителях – от Гражданской войны до 60-х годов XX века. В поэзии следовал традициям поэтической школы «шестидесятников» (В. Соколов и др.), в прозе склонялся к документалистике и бытописанию.

Коржов активно работал в жанре литературной критики, автор многих литературно-критических статей и портретов мурманских писателей, опубликованных в различных изданиях, в том числе в фундаментальном библиографическом издании «Русская литература XX века» (2005). Составитель и рецензент книг молодых и старших авторов. Стихи и прозу печатал в журналах «Аврора», «Роман-газета XXI век», «Север», «Юность», альманахах «Братина», «Ваенга», «Площадь первоучителей», «Мурманский берег». В 1997 году был участником Международного православного Славянского хода Мурман – Черногория, возглавляемого писателем Виталием Масловым. О его судьбе написал роман-биографию – «Несмиранный живописец». Лауреат общественной премии им. В. Маслова (2016), международной литературной премии «Антоновка». 40+ (2019), всероссийской премии им. Г. Державина (2021). Лауреат губернаторской премии «За особый вклад в развитие культуры и искусства за 2012 год». В течение 20 лет руководил областным литературным объединением. Член правления мурманской организации СП России. Член жюри всероссийского межвузовского литературного форума им. Н. Гумилева «Осиянное слово». Инициатор и один из создателей ежегодного литературного форума «Капитан Грэй».

В конце 2023 года в 11, 12 номерах журнала «Наш современник» опубликован последний роман Дмитрия Валерьевича Коржова «Полюшко-Поле».

Русский пир

*Даст Бог, умолкнем мы не скоро...
У русских так заведено –
Вести ночные разговоры
Под злое белое вино.*

*О наших женищинах колючих,
О снеге вечном за окном,
О всем нежданно-неминуем,
Что ожидает нас потом.*

*О том, что жизнь, как плеть, повисла,
Что слава – дым, а власть – беда,
Что правит нами всласть без смысла
Степная черная орда.*

*Что мы неладны и жестоки –
Одни на всей большой земле,
И все пути наши дороги
Исчислены в небесной мгле.*

*А нам уже объявлена война:
Полки расставлены и пушки наготове,
Вот-вот и разорвется тишина
Свистящей сталью, грохотом и кровью.*

*Ну что ж, мы ждали этот час –
Выпускники советской (высшей!) школы.
Еще чуть-чуть и ринутся на нас
Иных времен татары и монголы.*

*Восток и Запад – так уж повелось –
Никак между собой не разберутся,
Покуда не свернут земную ось,
Покуда в битве смертной не сойдутся.*

*Я верю, что у каждого из нас, –
Из тех, что называются Россия,*

*Достанет мужества и в этот раз,
Отринув разговоры о бессильи.*

*...К большой войне готовится страна,
Железом смертным согревая руки,
И командирская жена
Не плачет, но готовится к разлуке.*

2012

*Ты говорила о погоде,
О холоде и о тепле...
О том, что осень на исходе,
И листья тянутся к земле.*

*И осень, словно чья-то милость,
И светлый праздник Покрова –
Они, должно быть, мне приснились,
Как те, случайные слова...*

*Обыкновенные, простые:
«Дорога», «облако», «река», –
Оглянешься – и след простынет,
Очнешься – и пуста рука.*

*И смысл их был совсем не важен...
Все пристальнее и теплей
Всю ночь смотрели в окна наши
Глаза больные фонарей.*

*Слова, как воздух. Он бесплотен –
Прозрачный, чистый в октябре.
Ты говорила о погоде,
О холоде, и о тепле...*

*Когда сойдемся мы – живые –
За общим дружеским столом,
И старые, и молодые,
Вино по чашам разольем...*

*И будет празднично, и жутко
В том тесном, избранном кругу,
Где даже простенькая шутка
Звучит, как приговор врагу.*

*Сойдёмся мы – свои, чужие,
Из слов творящие миры,
Коренники и пристяжные
Капризной, острой, злой игры.*

*И поведет, готовя к бою,
Стихов колючие полки
Поэтов братство горевое,
Всегда готовое в штыки.*

*И понеслось – свое, чужое –
Не только рифмы и стихи,
Но – пламя! Пламя штормовое.
Но жизнь – от буквы до строки.*

*И песня русская, как знамя,
С которым мы на смерть идем,
Нас примирит и обласкает,
И души напоит огнем.*

Черная трубка

*Не скоро, но все же состарюсь:
Деньжонок поднакоплю,
Поэзию с прозой оставлю
И домик у моря куплю.*

*Там буду светло и безбедно
Свой нищенский век доживать,
О прошлом толкуя победно,
Устало и сладко зевать.*

*Большим стану, толстым, как груша,
Начну стариковски хандрить,
По праздникам водочку кушать
И черную трубку курить...*

*А все, чего сердце желало,
Что душу и грело, и жгло,
Сгорит, словно и не бывало –
Без имени, властно и зло.*

*И все, что там было – в начале,
Исчезнет, как тот пароход,
Что только что был на причале,
А вон уже – в небе плывет...*

*Все стихло в мире законном...
Средь ночи, словно взаперти,
В дому пустом, перед иконой,
Стою один, смирен и тих.*

*Так незаметно день истаял...
Настал он – час ночных молитв.
Звучи, кириллица родная,
Уста – молчите, сердце – говори.*

*Из сердца – к небу – выше, выше.
В ответ на боль и жар в груди
Я голоса сквозь тьму услышу
И вдруг пойму, что не один.*

*...Сойдут с небес в мир кухни узкой,
На свет лампадного огня,
На тихий свет молитвы русской
Те, без кого бы не было меня.*

*Ремесленники и крестьяне,
И странники, и мудрецы,
И ратники в плащах сафьянных,
И богомазы, и купцы.*

*Они придут полком державным,
Придут и встанут за спиной.
Преградой мраку – неустанной,
Необоримую стеной.*

Мурманск

*Я люблю этот город соленый,
Сотворенный из моря и скал,
На камнях к небесам вознесенный,
Не на час, не на день – на века!*

*Даже если вдруг скажут: «Поверь ты,
Там лишь сопки, снега да беда,
Закричишь – и никто не ответит –
Съела все ледяная вода!..»*

*Даже если ветрюга тоскливый
Без мандатов и понятых,
Не боясь участковых сопливых,
Вынет душу ударом под дых,*

*Даже если метель за ворот
Схватит цепко, притянет ко льду,
Мой туманный, заснеженный город,
Все равно я к тебе приду.*

*Жизнь моя с этим городом слита,
Срок настанет – свободна, легка –
На Папанина или на Шмидта,
Словно птица, уйдет в облака.*

*В переулке убогом и скользком,
Вечно пахнущем рыбной мукой,
Где-нибудь на проспекте Кольском,
Город мой, я расстанусь с тобой.*

*На Аскольдовцев или на Крупской,
На Пяти неоглядных Углах, –
Там, где девочки семечки лузгают,
Там, где ночь, словно день, светла.*

18-19 августа 2013 г.

** * **

*Рухнет все – так и знай: друг в приюте откажет,
На неделю зарядят косые дожди,*

*И любимая женщина холодно скажет:
– Я играла с тобой.
Не люблю.
Уходи...*

*...Стой в подъезде пустом, слушай осиротело,
Как над миром шумит дождевая вода...
Что тебе остается?
Любимое дело.
Ремесло,
что до смерти с тобой.
Навсегда.*

** * **

*Жизнь состоит из слов и пауз.
Мы в юности транжирим дни
Без сожаленья, не стесняясь,
Не прерывая пошлой болтовни.*

*Жизнь состоит из слов и пауз...
Нам в зрелости хватает слов,
Но музыка уже прервалась,
И мир молчит, надменен и суров.*

*Жизнь состоит из слов и пауз.
...Уже живешь без новостей.
Все потускнело, примелькалось.
Все меньше слов. Все паузы длинней...*

*Когда сдувает капюшон
Ветрюга льдистый,
И ты, недужен и смешон,
Пугаясь свиста,
Прешь по окраине своей
Заиндевелой,
Не видя сморщенных людей
В метели белой.
Дома плывут, как острова,
В пучине белой.*

*Душа? Душа еще жива,
Но мерзнет тело.
Через дороги помело,
Через смрад трактирный
Ворвись в заветное тепло
Чужой квартиры.*

*Там пастернаковской свечи
Во тьме метанья.
Там долгий разговор в ночи
Без окончания.
Там ты. Там тихо и светло,
Там нет ненастья.
Там жизнь, как чистое стекло.
И это – счастье.*

*Подборка стихотворений подготовлена
администратором группы памяти
Дмитрия Валерьевича Коржова
Юлией Колмогоровой*

Группа памяти Дмитрия Коржова

Первый фестиваль «Капитан Грэй» 2011 года, г. Оленегорск

Обсуждение работ участников на первом фестивале «Капитан Грэй» 2011 года, г. Оленегорск

Жюри фестиваля: Дмитрий Коржов, Алексей Витакер, Владимир Трусов, Михаил Зверев, 2011 год

Выступление на фестивале, 2012 год

© Foto by Wings
Капитан ГРЭЙ - 2012

Дмитрий Коржов на фестивале «Капитан Грэй», 2012 год

Работа оргкомитета на фестивале «Капитан Грэй», 2012 год

Фестиваль «Капитан Грэй», 2013 год

Участники и гости фестиваля в г. Оленегорск, 2013 год

После официальной части, 2013 год

Работа семинаров, 2014 год

Алексей Витак, Илья Виноградов, Дмитрий Коржов на семинаре фестиваля, 2014 год

Дмитрий Валерьевич Коржов на фестивале «Капитан Грэй», г. Оленегорск, 2014 год

Семинар фестиваля «Капитан Грэй», турбаза «Арктика», 2015 год

Фестиваль «Капитан Грэй» в Мурманском отделении Союза писателей России, 2016 год

Заккрытие фестиваля «Капитан Грэй» 2016 год

Подведение итогов фестиваля «Капитан Грэй», 2017 год

Открытие фестиваля «Капитан Грэй», 2018 год

Бенгальские огни стали традицией на открытии фестиваля, 2019 год

На семинаре. Фестиваль «Капитан Грэй», 2020 год

Эксперты и гости фестиваля «Капитан Грэй», 2020 год

Фестиваль «Капитан Грэй», 2020 год

Экскурсия по Мурманску для экспертов, 2021 год

Дмитрий Коржов с участником фестиваля из Мурманска Владимиром Белошеевым, 2021 год

Дмитрий Коржов с экспертом фестиваля Викторией Татур, 2021 год

После церемонии закрытия, 2022 год

Лекция в рамках фестиваля, 2022 год

Подведение итогов фестиваля «Капитан Грэй», 2023 год

Участники и эксперты фестиваля после церемонии закрытия, 2023 год

*Дмитрий Валерьевич Коржов на закрытии фестиваля «Капитан Грэй»,
2023 год*

*Работы
участников
фестиваля*

Лодка плыла

Лодка плыла. Сама по себе плыла.
 Нет. Не везла,
 никого не качала в чреве.
 Сажсей с обугленных бедер стального котла
 Ночь тушевала
 на небе восточные тени.
 Спины худые монашеских черных раки
 Кланялись истово, славя речного бога.
 Сердце всегда у живых
 за кого-то болит,
 Даже за мертвых
 и за врагов немного.
 Лодка плыла.
 Брусничные капли в борт
 Сотней незваных гостей не таясь стучали.
 В этой безлунной ночи
 я – дом, я – порт,
 В душу которого лодка пустая причалит.

Прошлого вырублю сохлый безвинный лес,
 Вымолю день еще, может быть, два неправдой.

Туманится неба тканый, тугой навес.
 Забудется? Нет. Волком все в лес. Обратно.

Кольца плетут тени змеящихся рук,
 Бросают на пики сосен, на колья елей.

Вечер опять истончился: «Тук-тук-тук»; –
 Прозрачный осколок обточенной карамели.

Смолкло. Внезапно воздуха звон погас.
 Срезан клубящимся вздохом отсчет кукушки.

Дождь проливается на земляной палас –
 Обрушенный голод на спину ржаной горбушки.

*Я не могу поймать неприкаянный взгляд
Собственных глаз, пришитых ко мне с изнанки.*

*Горят. Вишневые ночи опять горят!
Терпко дымясь прокуренным басом цыганки.*

*Было ли? Белые смолы на камень щек
Льются, хватаясь за выступы подбородка.*

*В каком вчера я блуждаю? И невдомек,
К кому ведет моя чужая походка?*

*Обмелевшие реченьки стекол,
Неба исповедь стихла дрожа.
Ветер листья намокишие трогал
И соломинку плеч обнажал.*

*И молчаньем пастушьим всполох,
Наросла на ступени трава.
Я искала в местах незнакомых
Незнакомые сердцу слова.*

*Чертыхались болевые птицы,
Я себя им навстречу несла.
Мне под кожу ныряли ключицы
Плавниками свечного весла.*

*Изогнулись, как стебли герберы,
Две морищинки со лба до брови.
От того, что любила без веры
Или верила я без любви?*

*И подобно дрожащему небу
Я проплачу над миром сама.
Перебилось. И бабочкой пегой
Замирает мой стих у виска.*

*И стрелки плавали, как выгнутый смычок,
Шаги вертявые теряли ровный счет.
В метелях слез тонула нежность, голося,
Как ветви за окном и как тону я вся.
Прильнувший свет был тенью и лицом,
А я была поэтом и лжецом,
А я была и садом, и жнецом.*

*Остывший берег сжал озерный мягкий круг,
Листвой на губы опадает горький звук.
И бьет строка, как поражение, как нож.
Я не жалею. Любишь – после проклянешь.
В глазах из перьев сизых бахрома;
Молчат опустошенные дома,
Как грот жемчужницы, как я сама.*

*«Уж сколько их упало в эту бездну...»
М. И. Цветаева*

*Немало звезд качнулось и разбилось,
Немало жизней спели'лось враз,
И вместо рая в земляную сырость,
Осколки падают бездушно и сейчас.
Гостями не побудут. Не застанешь.
Забвенью научает смежность рук.
Луна цветет меж снега словно ландыш,
Главою белой над хребтами выюг.*

*И все пройдет, кончаясь со слезинкой,
И зим анабиоз, и лета пыл.
Листву тряхнет с дерев собачьей линькой,
Сорвутся тучи с голубиных крыл.
Но мне еще не поздно петь о солнце!
И сердце вы'простать набухшее свое!
Что кануло, пусть боле не вернется,
А коль вернется, на поверку пусть не то.*

*Мне все еще не поздно петь о счастье.
Лицом не завладел скульптурный мох!*

*Как много звезд разбилось. Голос застит
Их звон и шаг, чуть птящийся мой.*

*Во мне горел пожар пунцовых роз,
И хрупких рук снега его не замолчали.
Из колыбелей глаз немного пролилось
Воды на кисти блекло-мишистой шали.
Сквозняк в затылок дерзко целовал
Холодно-твердыми, стеклянными губами.
Прошелся черно-белый карнавал –
В последний путь кого-то провожали.*

*А мой пожар уняться не умел,
И розы все в груди огнем пылали,
Сгубив солодку, мяту, чистотел...
Шипы врастали в горло по спирали.
И делали горячими слова,
Рожденные в немой тревожной пене.
Как много жизнь хотела от меня,
Как много я от жизни не хотела.*

*Мой странный сад. Мой страшный сад,
В котором со столистным ароматом
Смешался пепел, уголь, рафинад,
Что колокол виска басит набатом.
Скребется вьюга. Лучшие ли она?
Коней на переправе не меняют.
Замерзших бабочек легла к ногам гряды,
А я цвету. Я все еще сгораю.*

Вернусь

(оммаж на текст Егора Сергеева «Всё»)

*Ну и куда я отсюда? Зачем? Если здесь Россия,
Москва и случайная девочка с именем Анастасия
Захороводили, переплелись, заходясь в весталочьем,
Закрашивая чек-лист вместо скучных галочек,
Сорвав коматозную маску: «На, дыши!
Враги не пришли на фан-встречу, в комнате ни души,
Так чего ты боишься?» А мне не сказать словами
Все ответы с барьерами словно смело цунами
И горят изумрудом те, что оттенка стали.
Так куда я пойду отсюда? В какие дали?*

*Куда я пойду отсюда? К каким дзотам?
Ведь при виде меня даже Игорь Иванович воскликнет:
«Чё ты?!»
Ведь мне не удалось стать ни кораблем, ни надежной
пристанью.
Но танцуют вокруг, танцуют и смотрят пристально
Москва, Россия и та девочка с именем моей мамы.
Да я в вашу честь бы храмы!
Но нет, уезжаю, видите? Не по своей воле
Но с полупассивным согласием. Правда, что ли?..*

*Загран жжжет карман, билет прожигает руку.
Что делать, когда еще до отъезда болит разлука?
Что делать, когда взглядами близких будто насквозь
пронзен?
Я клянусь, что вернусь.
Клянусь, что вернусь
И все.*

Письмо другу

*Здравствуй, дружище, пишу тебе издалека,
Здесь не бывает зим, здесь сплошная осень.
Если бы кто сказал, я б со смеху оземь,
Что будет мне сниться одетая в лед река.*

*Ребра трещат, сдавила тоска как спрут,
И Белград мой, как оказалось, совсем не мой.*

*Напиши мне, пожалуйста, поговори со мной
Хотя бы пару минут.*

*Ноябрьная чужбина ломает меня, и впредь
Я больше не верю ни в бога, ни в терапию.
Дружочек, не будь словно те, другие,
И скажи мне хоть что-то, от чего не начну реветь.*

*Где распахано поле под рокот ракетного грома,
Жатва идет, мешая своих с чужими.
Мы встретимся там, я знаю, но не откажи мне,
И перво-наперво встретить меня лучше дома.*

*Родина, дом мой, где снегом земля бела,
Колониальные +25 в квартире,
Я как никогда нуждаюсь в ориентире:
Расскажи мне, родной мой, как у тебя дела?*

Звездочка

*Звезды, казалось бы, тема что на мели,
Ведь с космологической точки зрения
Звезды – огромные сгустки горения.
Но хочется мыслить шире мне, и я
Рассмотреть предлагаю иное мнение:
То, как чувствуется с Земли.*

*Здесь каждая ночь над головою таит
Яркие точки на черном бархате неба.
Теплые и хорошие, и вот бы мне бы
Звездочку самую яркую защитить.*

*Я и сам был когда-то почти таким:
Плод биографии в чьем-то ранце.
И горел, и плакал, ломая пальцы,
То растил, то вновь разбивал свой панцирь.
Такой кабак и такие танцы!
Жаль, что не стал сам себе своим.*

*Вот, в общем, родная, о том и речь:
Ты – звездочка, я – человек земной.
Я бы хотел любоваться тобой
И просто тебя сблечь.*

*Ты свети там где-то, на небесах.
Ну а что до меня, я, боюсь, останусь
Нежеланным гостем в твоей охане,
Нелюбимой костью в забытом храме,
Неблаженным Господом на экране,
Незаметным отблеском на глазах.
Никто не услышит
Забейся в свою пластилиновую конуру
Пять на четыре с учетом балкона и санузла.
В сотысячный раз примерься шеей к шнурку,
В сотысячный раз пойми, что ты слишком слаб.*

*В районе нет света, авария, говорят.
Не горят фонари, почти видны звезды. Ты
Вливаешь в себя сорокаградусный кельтский яд
Выстрел за выстрелом, шот за шотом, и ждешь беды.*

*Атомная электростанция твоих имени и фамилии
Плавится где-то внутри четвертым энергоблоком.
Бьешься как рыба в немом бессилии
В сплошном массиве безжизненных темных окон.*

*В твоей аптечке нет препаратов,
Помогающих при внутричерепном ожоге.
Вены висков вздуты как конденсатор,
И ты воешь сиреной воздушной тревоги.*

*Никто не услышит.
Никто не услышит.
Никто не услышит!
Тише.*

*Не кайся, не ной, не зови, не жди.
Хоть трезв, хоть в сопли упорот,
Помни, что света в твоей груди
Хватит на целый город.*

Дело о хищении

Часть 1

Брошенка выросла на окраине города за одно лето, отделив промышленную застройку от спальных многоэтажек. Рабочие торопились освоить бюджеты, отчего как могли гнали стройку. Администрация планировала здесь детский сад, но на приемке возникли вопросы, да и постоянные протечки крыши устранить к сроку и не смогли. Многие годы здание пустовало. Так к нему прилипло это небрежное – брошенка. А в двухтысячных провели небольшой косметический ремонт, и в помещения полным составом заехал третий отдел милиции.

Когда Женя пришел в розыск молодым подтянутым лейтенантом, кадры обещали: «Еще годик, ну максимум полтора, и под нас сделают современный отдел в центре. Просторные кабинеты, комната отдыха, парковка. Все как на западе». Женя был идейным, оттого в неустроенности быта видел особый колорит, что непременно должен сопровождать непростую во всех отношениях работу.

С тех дней милиция обратилась полицией. Женя получил майора, сменив юношеский задор на зрелый рационализм, привычное Евгений Сергеевич на режущее слух Джон. Оно не так давно сорвалось с языка оперативного дежурного Василича. Его взбесила непонятно откуда взявшаяся назойливая привычка Жэки на каждую поставленную задачу отвечать – «а почему я?», или «я не понял». «Значит, снова не понял?» – взорвался Василич, – «Ты вообще русский? Может, ты не Женя, а Джон». Новоиспеченный Джон лишь безразлично улыбнулся.

Брошенка осталась прежней, глядя в затянутое облаками небо дырявой кровлей. Разве что обзавелась массивными ставнями с бойницами на окнах дежурной части. Да появилась громоздкая кофемашина в актовом зале, пусть на нее и сбрасывались всем составом.

Сегодня Евгений Сергеевич, или как его теперь знала брошенка – Джон заступал на сутки. Дежурства в понедельник он не любил особо – много «хлама» приходилось разгребать с выходных. Джон свyksя и принимал такие смены как данность. Теперь на очередной понедельник в графике разве, что устало вздыхал, поправляя под

нависшим брюхом джинсы. Вздыхал Джон и на встревоженных заявителей, на режим усиления по выходным, на бумагу для принтера за свой счет, еще и еще вздыхал.

Обычно Джон приезжал на дежурство к восьми: пробежаться по сводке и выпить кофе времени с головой. Но вот уже как чертовы четыре ночи, после того внезапного звонка от Белого, он почти не спал. И сегодня опять ворочался в дреме. Наконец решил не дожидаться будильника, принял душ и оказался в брошенке около пяти утра.

Прапорщик из дежурки¹ самодовольно ухмыльнулся Джону, и как только тот поравнялся с окошком, пискляво окликнул:

– Мужчина у нас закрыто. Вы к кому?

– Оригинально, – сухо парировал Джон. Прапорщик Полищук еще с сержантов тужился острить. Выходило топорно. С годами лучше не стало. – Василич где? Сегодня ж его смена.

– Дежурный прилег. Передать что? Передам все, кроме денег, – вновь усмехнулся Полищук.

– Не, пусть отдыхает, – Джон пристально оглядел стенд с надписью «Внимание розыск», затем поинтересовался осторожно, словно боясь услышать неверный ответ. – Ты случаем Белого не видел?

– Белого? – переспросил Полищук. – Так Миху отстранили.

– Не посадили же! – отгрызнулся Джон.

– Не видел, – обидчиво выдавил прапорщик. – Если кого потерял, форму заявления знаешь. Только не в мою смену. По потеряшкам в этом квартале перебор, – хотел он прикрыть окошко, но Джон остановил жестом:

– Ладно тебе, – Джон натянул дежурную улыбку. – Молодой на выезде?

– Аркаша у себя. В 412-ом, – затрещал телефон, и прапорщик отвлекся. – Третий отдел полиции, Полищук. Говорите. Записываю адрес.

Часть 2

Ранним утром брошенка всегда виделась Джону уютной. Безлюдная и прохладная. Свет горел лишь на первом в дежурке, и на четвертом, где жили по кабинетам розыск да пара следователей. Джон остановился у 412-го и прислушался.

– Деньги! – требовал из-за двери бас. Затем пара глухих шлепков, словно гоняли по стене юркую муху.

– Работает Аркаша, – подумал Джон. – Только не пережал бы.

Аркадий был самым молодым на этаже, да и во всей брошенке, пожалуй. После армии сразу в милицию. Просился в дорожную службу,

¹ Дежурная часть

уж очень любил авто, но глядя на его кувалды вместо рук, кадровики восторженно резюмировали: «Только в розыск! В ГАИ, увы, штат заполнен. Годик, максимум два, проявишь себя, а там, глядишь, и освободится местечко». Аркаша во всем тянулся за старшими, но подводила его врожденная мягкость и полная бесхитростность. Еще Аркаша был крайне доверчив и велся на всякий развод Полишука, за что прапорщик, уже имел неприятный разговор с Джоном. А еще Аркадий оставался единственным, кто продолжал называть Джона по-старому, по отчеству.

– Где деньги? – вновь настойчивое из 412-го.

Джон приоткрыл дверь, как Аркадий с размаху и с грохотом обрушил на стол сложенный вдвое материал. В кабинете разило вытрезвителем: смесь перегара, табака и пота. Джон откашлялся:

– Ты продолжай, – он поймал удивленный взгляд Аркаши и опередил расспросы. – Не спится что-то.

– Вот, Евгений Сергеевич, – Аркадий ткнул мясистым указательным пальцем в сидящего у стены мужика. – Надежурил краженку.

Мужик согласно кивнул. Печать благодати на лице выдала, как искусно он пьян.

– Мужик-то положительный, из рабочих. Правда, в запое. Нам его в тот четверг как потеряшку заявили.

При слове «потеряшка» мужик нахмурил густые косматые брови и сжал губы, словно вот-вот выдаст о себе важное, но снова обмяк.

– А ночью его в общаге на Советской приняли, – продолжал Аркаша, расправляя собранный материал. – Евгений Сергеевич, смотрите, – он нашел среди бумаг нужную и бегло принялся читать, проводя огромным колбасным пальцем по тексту вниз. – Заявила гражданка. Ранее незнакомый. Напросился в гости. Накормила, поговорили. Выпили еще. Она уснула, а как встала, из кошелька пропала наличка. Где деньги, а?! – внезапно выкрикнул Аркадий, но мужик лишь пожал плечами.

– И много ушло? – равнодушно уточнил Джон.

– Сама не помнит, но заявляет – взял все, что было. Да его и нашли за каких-то 10 минут. В отрубоне на лестнице в соседнем подъезде. Мужика жалко, – Аркаша перешел на шепот. – Он же не воровской, из рабочих. Потому и вспоминаем, где деньги. Да?! – Аркадий снова прикрикнул.

Мужик кивнул и сипло выдохнул.

– Мне кражу зарегистрировать на раз, но понимаешь, там заявительница сама не того. Я ей: «А сколько пропало? Может, вы ему в долг? Может, вы его сами за спиртным отравили?» А она мне: «Не знаю, не знаю. Все украли».

– Уверен, разрулишь, – прервал Джон. – Скажи, Белый не появлялся?

Может, звонил?

Джон взял с сейфа кружку, поддел мизинцем подсохшие на дне чайники и стряхнул на пол.

– Миха? Его как отстра.. – осекся Аркаша. – Он как с работы ушел в том месяце, больше его не видел.

Джон налил из чайника воды и залпом выпил. Мужик заерзал по стулу.

– Дежурный стакан где у нас?

Аркадий осмотрелся.

– Ясно. «Нигде», – Джон наполнил кружку еще и протянул. Мужик с аппетитом зачавкал.

– Ладно, вспоминайте, – похлопал Джон мужика по плечу и вышел. – Я к себе.

Часть 3

Настенные часы с дарственной надписью «220 лет МВД» никогда не показывали точно. Смена батареек, даже подзатыльник, не спасали. Дотошный Белый по утрам подводил стрелки по Москве, но вот уже больше месяца они шагали как вздумается и теперь показывали шесть утра. Джон сверился со своими наручными и изумился:

– Оказалось, чтоб добиться правды, часы достаточно было оставить в покое. Дать время прийти в себя. – Джон напряженно улыбнулся случайному каламбуру. – Дать часам время, – повторил он.

С пропажей Белого времени, как угадывал Джон, оставалось все меньше. Он откинулся на стуле, разглядывая кабинет, знакомые каждой трещинкой потолок и стены. Стол напротив был как всегда захламлен – стопки кодексов и исписанных ежедневников, пыльные архивные дела, черновики, мятые пластиковые стаканчики. При этом стол казался непривычно пустым, покинутым, что ли. И кожаное кресло, что дарили Белому на юбилей, кто-то уже стащил.

Джону хотелось думать, что годы в одном кабинете сделали свое дело, раз он оказался единственным, кому Белый позвонил тогда прежде, чем... Прежде чем, что? Джон не знал. В четверг вечером Белый набрал ему. Неожиданно был излишне весел, даже ликовал. Он ошарашил тогда Джона: «Оказывается, последние пару лет это был ты, – нахальные смешки. – Я наконец нашел способ попрощаться». Вот только прежде Миха никогда не загадывал ему загадок. Прошло четыре дня. Телефон Белого с тех пор молчал.

Они не были напарниками, разве делили один кабинет. Джон отвечал за имущественные, Миха за НОН¹. И не общались особо. Здесь не

1 Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ

столько разница в возрасте (тот был лет на 10 старше Джона), сколько сам Белый – вечно в себе, напыщенный, даже барский. Жил бобылем и дружбы не водил. Только под пенсию, уже как пару лет немного оттаял, что ли. Вступил в «Динамо», стал появляться на общих пьянках. Раз за-тащил Джона к себе. В тот вечер они чертовски нарезались, и, кажется, впервые Белый заговорил о личном:

– Ты что-то за меланому слыхал?

– Это такие родинки?

Миха отмахнулся и перевел тему. А еще, как показалось Джону, Белый стал излишне сентиментальным в последние годы. Откопал где-то эти сувенирные часы и такую же подарочную Zippo с гравировкой «220 лет МВД». Попытался всучить зажигалку Джону – дескать, на долгую память, но Джон не курил, да и не любил в карманах лишнего, отчего привычку имел даже ключи всегда выкладывать на стол. В один из дней Белый совсем без причины заполнил стену в их кабинете грамотами. Откопал все, что были. Среди прочих ведомственных юбилейных, Джон с удивлением отметил несколько за шахматы, пусть по юниорам, но первые места.

В коридоре послышалась жизнь. Кто-то, насвистывая «Смуглянку», зашаркал к туалету.

– Петров, – окликнул Джон и звуки стихли, – у тебя дом есть?

Под конец каждого месяца, в пору отчетных показателей Сева Петров – старший следователь брошенки – по несколько дней ночевал в отделе. Кряхтел невнятное, что живет далеко и ему проще лечь в кабинете. Но брошенка знала, Сева постарел. Цокал по этажам выгнутой дряхлой гончей. Хвастался новой диетой. На деле зеленел, сдаваясь язве. Пальцы его побелели морщинистой тонкой кожей и потеряли ловкость. Теперь он вынужден был подолгу сидеть над клавиатурой, запрокинув больные руки. Полковника еще не давали по должности, должность уже не давали по возрасту. Мог хоть сейчас уйти на пенсию, но продолжал приходить. Признался как-то, привык настолько, что не может бросить брошенку.

– Дежурка звонила, – хрипло отозвался Сева. – С Белым у нас по ходу ЧП.

– Что стряслось? Он жив? – Джон сорвался к аппарату и набрал дежурку.

Оперативный дежурный Василич сонно и тяжело, точно остатки крема из тубика, выдавил из себя:

– Обратились соседи. Трупный запах из-за двери. Ты сам-то давно Белого видел?

– С месяц, наверное, – Джон перевел взгляд на часы. Без пяти семь. – Василич, давай я на выезд. Ты же знаешь, мы с Михой... Прикрой на разводе, а вооружусь потом. Выручай!

– Валяй, – лениво зевнул дежурный. – Только в темпе, машинка на улице.

Часть 4

Ржавый УАЗик прыгал по дороге, все больше удаляясь от бесцветного квадрата брошенки. Уставшие пружины скрипели и постанывали на ямах. Джон сидел сзади. Ноги отчаянно упирались в пол. Он цепко обхватил ручку – дверь на каждом повороте то и дело норовила распахнуться и увлечь за собой.

– Выходит, Белый у нас того? – буднично поинтересовался водитель. Джон раздраженно пожал плечами.

С месяц назад Сева Петров полез в комнату вещдоков. Не то по жалобе, не то по указанию свыше нужно было выдать конверт с деньгами потерпевшим. Ячейка оказалась пуста. Назначили проверку, и Севе, как ответственному, светил строгач или под увольнение.

А потом Джон нашел у Белого это. Случайно. В столе под стопкой черновиков. Джон перерыл тогда кабинет в поисках отказного и зачем-то полез по ящикам Белого, чего прежде никогда не делал. Так он нашел конверт – упаковку от тех денег. Конверт был пуст.

– Ты нашего Севу под статью? – Джон проявлял искреннее недоумение. – Зачем, Миша?

Белый отпирался недолго. Прикрылся болезнью, лекарствами, что не достать. Кредитом. Сказал, что скоро умрет, но лечение еще возможно, и он подумал, что денег не хватятся годы. Дело-то глухое, давнишнее, а он заработает и вернет. Все вернет до рубля. Джон тогда коллегу не выдал. «Не зря же Миха оставил конверт», – прикинул он.

Миха подбросил упаковку обратно, но поздно. К проверке уже подключился комитет. Быстро выяснилось, что конверт вскрывали. Более того, на нем нашли пальчики Белого. Он не смог объяснить, а комитет не смог предъявить пока ничего, кроме отпечатков, и руководство отстранило Белого на месяц. До выяснения.

Пожилая пара из квартиры напротив, что позвал понятыми Джон, откровенно зевала. Оперативник тщетно пытался поддеть массивную металлическую дверь. Ржавая фомка соскакивала и норовила угодить в лоб. Всюду царствовал плотный кислый смрад. Джон не сдавался, сердито пыхтел и ругался под нос.

– Вам, молодым, только ломать, – по-старушечьи пробурчала соседка. – Михаил Валерьевич мне ключи доверил.

Джон сдержал подкативший к горлу комок и прошипел:

– Несите же.

Михи дома не оказалось. Ни живого, ни мертвого. Выбило пробки, отчего холодильник вытек на ламинат бледно-желтым липким пятном. Вдобавок кастрюля на плите зацвела пушистыми серыми шапочками. Зловонная взвесь вышибала слезу, потому Джон, задержав дыхание,

распахнул окна. Кастрюлю всучил водителю, и тот вынес ее в мусор на улицу, а когда вернулся, был хмурый и часто сплевывал. Покончив с протоколом, Джон отпустил всех, и остался в квартире один:

– Ключи приобщены к делу. А я тут, проветрю пока.

Старики не возражали. Джон запер за ними, и как только за дверью стихло, ринулся выворачивать шкафы и ящики, бросать на пол тряпье, книги, бумаги:

– Где твой тайник, Миша! – бубнил Джон. – Какую загадку ты задал? Что значило твое – последние пару лет это я? Во что ты меня втравил?

Джон вспомнил, как после отстранения со службы предлагал Мике помощь. Думал собрать тому денег, устроить общий сбор. Но Белым овладела прежняя барская натура. Проснулась та надменная упертость. Белый даже пригрозил ему, стиснув зубы: «Заткнись, о болезни ни слова», – и Джон отступил. А неделей позже, вернувшись с ночного выезда, застал Белого в кабинете. И прошмыгнул же тот как-то мимо дежурки – начальник велел до окончания проверки Белого не пускать. Прижал он тогда Миху, и он сознался, что вынес из вещдочной 5 свертков дури.

– Материалы мои. Они глухие, – выкручивался Белый. – Свертков не хватает. Я только раз. Мне денег этих как раз. Джон, я жить хочу. Понимаешь, хочу пожить.

Джон вновь отпустил Миху, но в этот раз назвал цену. Стоимость своего молчания. И чтоб покрыть эту сумму, Мика еще дважды проник в камеру, и от свертков карманы его разбухли, словно у вокзального барыги. Белый огрызнулся тогда, мол: «На двоих тащить, точно спалют», – но спорить не стал.

Вскоре вся квартира была выпотрошена. Найденное Джон бросил на стол: потемневшую серебряную печатку с белым камнем, прозрачный пакетик с крошечным детским зубом, нательный золотой крестик без цепочки, пару тысяч рублей мелочью и наручные часы с кожаным браслетом. Джон забрался на диван с ногами. Его буквально разрывало. Он вновь и вновь перечитывал медкарту Белого. За год текущий и прежние два он узнал о гастрите и ОРЗ. Пройдены все диспансеризации. ЭКГ. УЗИ почек. Сдана куча анализов и ни слова про рак. Ни единой записи.

– Ты всех развел! – снова и снова он впиался глазами в арабскую вязь медицинских терминов. Здоров. Здоров. – Где мои деньги?! – взревел Джон. – Что за бред ты развел по телефону? Выдумал какие-то пару лет. Я найду тебя, Миша, и ты все мне расскажешь.

Джон в ярости опрокинул стол. Микины драгоценности разлетелись в стороны. Звякнув, блестящая монетка описала небольшой круг и скрылась под диваном.

Часть 5

Дверь 412-ого со свистом распахнулась:

– Белого нигде нет, – закружил по кабинету Джон, обстукивая кулаком стены. Аркаша задумчиво наблюдал.

– Командиры, – жалобно протянул мужик. Постепенно он приходил в себя, отчего весь осунулся и глаза налились красным, – я закурю пока? У меня свои.

– Да кури ты, – озлобленно цокнул Джон, – не до тебя.

Но едва тот достал сигарету, как Джон скомандовал грозно:

– Отставить! Откуда курево?

Мужик замер, спасительно озираясь на Аркашу. Румяные прежде щеки Аркадия едва заметно побелели.

– Аркадий, друг мой, ну ты же не ребенок. Кто досматривал гражданина?

– Евгений Сергеевич, я, я, – забегал глазами Аркаша. – Его пэпэсы должны были. При задержании.

– Должны или досмотрели?

– Думал, досмотрели. Я не знаю, – бегло сыпал словами Аркаша, а потом прикрикнул мужику. – Живо все из карманов!

Крепко зажав во рту сигарету, мужик торопливо выложил на стол из брюк: расческу, потертый молитвенник, несколько монет. Затем полез в куртку: еще монеты, небольшой перочинный нож (Джон хмурился все сильнее, и скулы его напряглись крепко; Аркаша, не поднимая взгляда, ерзал по стулу), колпачок от ручки, связка ключей, Zipro, еще монета. Мужик замер. Уткнув взгляд в стену, он опасливо ощупывал что-то в кармане. Кажется, догадался и робел признаться себе, но боялся больше достать это.

– Ну! – подогнал Аркаша и побелел окончательно.

Не дыша, мужик совершенно медленно извлек на свет котлету – тугой сверток разноцветных банкнот. Он вопросительно посмотрел сперва на Аркашу, потом на Евгения Сергеевича. Мужик протянул им деньги и как бы предлагал, молил, сделать с этим что угодно. Хоть что-то.

Джон ткнул мужика в грудь, отчего тот едва не слетел со стула. Оперативник дышал часто и быстро и на висках проступили вены. Деньги перед его лицом, зажатые в грубой мужицкой руке с обгрызенными до мяса ногтями, мелко дрожали. Джон хлопнул наотмашь, и разноцветные банкноты закружили по кабинету праздничным конфетти. Подбирая слова, тихо и медленно он наконец начал:

– Откуда у тебя это? – Джон взял со стола Zipro, приложил мужику ко лбу и с силой надавил. Мужик пискнул.

– Евгений Сергеевич, – начал было Аркаша.

– Я на тебя сейчас мокруху повешу, – Джон только теперь убрал зажигалку, и на коже проявился оттиск «220 лет МВД».

– Знаешь, чья это? – Джон повернулся к Аркаше, но тот не знал. – Мне нужен один честный ответ, – оперативник вновь тихо по-змеиному обратился к мужику. – Это понятно?

Мужик сплюнул сигарету и осторожно кивнул.

– Тебя зовут Андрей.

Мужик отрицательно покачал головой.

– Это все фиолетово. Я буду звать тебя Андрей. Таких, как ты, я всегда зову Андрей. Это понятно?

Андрей едва заметно дернул плечом.

– Решишь обмануть, я пойму и повешу на тебя столько мокрух, сколько глухарей в этом чертовом кабинете! Это понятно?

Мужик кивнул снова, в этот раз охотнее.

– А теперь скажи, Андрей, где ты взял эту Zippo?

Брезгливо стряхнув банкноты, что осели у него на коленях, мужик начал:

– Четверг. Я же с четверга под мухой. Вечером дали аванс, и я мигом слился. От фабрики через мост лабаз. Да вы знаете. Там самый доступный портвешок, – мужик заискивающе оглядел сотрудников, но тут же продолжил, – наверное, не знаете вы. Так вот, иду, значит, по мосту. Закурить хочу. Хвать, а она под ногами. Я проверил – горит. И буквы прочел. А мне что? Я полицию уважаю. Там еще обувка рядом стояла. Словно разулся кто. Я покумекал еще, станет кто разуваться, чтоб босиком через мост чесать.

– Хватит базарить, – лязгнул Джон. – Место покажешь?

– О, Боже, мост! – Аркаша судорожно набрал дежурку. – Василич, я знаю, где Белый. Срочно, группу на выезд.

Часть 6

Джон сидел у себя, развалившись в кресле. Он увлеченно листал материал по суткам, время от времени смахивая побелку, что оседала с потолка мелкими хлопьями.

– Евгений Сергеевич, – в дверях появился Аркаша, – знаете, Сева Петров сверку по вещдочке закончил.

– Мне-то что? – Джон не оторвался от материала.

– Там чудовищная недостача по линии НОН. Если верить журналу, пропажи начались года два назад. И в общем...

– Два года? – Джону стоило усилий сдержаться.

– В общем, брошенка только и говорит теперь, это все Белый. Проворовался, запутался, вот и прыгнул с моста. Его в областной повезли,

если что. Подумал, вдруг захотите отдельно с ним попрощаться. Вы же сдружились в последние годы.

– Сдружились, – подхватил Джон сухо, а в голове закружились те последние ехидные слова Белого по телефону.

Аркаша топтался в дверях, не решаясь уйти.

– Что-то еще? – Джон не оставлял попыток изображать, как занят материалом.

– Да, но это кажется не таким важным. Криминалисты звонили. Там записку нашли.

Острая боль полоснула живот. Картинно улыбнувшись, Джон подтянул живот и ослабил ремень.

– В одежде. Записка уже у экспертов. Кажись, предсмертная. Бумага размокла, и текст, конечно, не разобрать.

Взгляд споткнулся о стол напротив, и губы Джона подернула нездоровая улыбка.

– Я знаю, тут отказной. Да и эксперты понимают. Они особо не хотели, но ради вас и Белого я попросил, и они обещали, сделают. Постараются прочесть. Я правильно поступил? Евгений Сергеевич, я прав?

– Это нечестно, – вырвалось из Джона каким-то чужим писклявым голосом, и он сам испугался незнакомого звука.

– Да, Михаил Валерьевич мог найти другой выход, – охотно согласился Аркаша.

– Нечестно. Нечестно. Нечестно, – вновь и вновь это досадное, по-детски обиженное пищал Джон.

– Евгений Сергеевич, вам плохо? Я позову кого-нибудь, – и Аркадий убежал.

А Джон, как некогда знала его брошенка – Женя, присосался взглядом к месту напротив, что по-прежнему пустовало, хоть в память о Белом кто-то и вернул то подаренное на юбилей кресло. Теперь пустовало и оно. Пустовали стены и грамоты. Пустовали подарочные часы. Сейф. Полки с кодексами. Все в этом кабинете опустело, словно было брошено. Опустело, как пустеет рыбацкий шалаш, проводив видалых, жадных до улова рыбаков, что оставляют за собой поле пустых бутылок, изуродованных жестянок и рыбьих кишок. Опустело в предвкушении встречи с другими, следующими. С теми, кто столь обыденно и бездарно не предаст свое дело, не бросит.

Небо

*Небо сгорело. Из пепла на мостовой
Грустные дети лепят снеговика.
Так непривычно и страшно бледна щека,
Та, что еще недавно цвела весной.*

*Небо сгорело. Мы умерли. Пуст вагон.
Даже Харон отказался до нас грести.
Руки разжал тот, который держал в горсти.
Вытер от грязи ладони да вышел вон.*

*Мы так хотели веры, родился – культ.
Мы так искали тепла, а нашли напалм.
Строили дом, построили – капитал.
Грустные дети стреляют из катапульта.*

*Кинемеханик спит. На катушке лед.
Мы в черно-белом кино. Потому – немые.
Небо сгорело. И в титры войдем не мы.
В титры вообще-то никто уже не войдет.*

*Пленка закончилась. Солнца погас софит.
Небо сгорело. Остался один каркас.
Если все умерли, кто же запомнит нас?
Если все умерли, кто же нас всех простит?*

*Я так смертельно боюсь не узнать лица.
Снова и снова лето ищу в зрачке.
Мертвые дети в мертвом снеговике
Ищут надежду на чудо или отца.*

*Небо сгорело. Но дует опять норд-вест.
Шепчет мне в уши молитвы из дальних стран.
Если в кармане пусто, то есть карман.
Если болит в груди, значит, сердце есть.*

*Фениксов гнезда горят, так задуман мир.
Мерзнуть апрелю, пока не истлеет март.
Мертвому снеговiku повязали шарф,
Свежая кожица неба дрожит над ним.*

АЛЕНА ЦЕНИНА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

*Мне сегодня много себя самой,
Пролилась с кровати да через борт.
Чтобы дать строку, чтобы взять аккорд,
Быть тебе слезой, быть тебе рекой.*

*Растопивши лед, потекла ручьем.
Подставляй стакан – не допить до дна.
Не допить до дна – за волной волна –
Шоры сбиты с глаз да из горла – ком.*

*[Я кому – теперь?
Я зачем – потом?]*

*Мне сегодня тесно самой в себе.
Выхожу из жанра, как из псалма.
Выхожу из дома, как из ума.
Стертой быть узде, стертой быть резьбе.*

*Кожу снять, чтоб лучше расслышать век.
Сковырнуть коросту, чтоб бил родник.
Только так из пауз рождаем крик.
Так в строке теряется человек.*

*[Только образ – чей – за метафорой?
Что хотел нам выплакать автор?]*

*Так выходит горлом наружу жизнь.
Так выходит горлом наружу текст.
И восходит дура на Эверест,
Чтобы рухнуть вниз.*

[Чтобы рухнуть ниц.]

*А могла ведь плыть по течению,
Объезжать ухаб по обочине.
Башилачевского кровоточия
Избегать в миру со смирением.*

*Чтоб спокойным – сон.
Чтобы чашей – дом.*

*Не кружить волчком.
Не рычать ничком.*

*Чтоб умерить прыть
И обнять, как мать,
Мостовую,
Слиться с ней на века.*

*[Не люби, если можешь ты не любить.
Не пиши, если можешь ты не писать.]*

Да кишка тонка.

Не прощаю

*Мне не за что тебя прощать.
Герои сказок невиновны,
В том, что рождает их тетрадь
И превращает в полнокровных.*

*В том, что дешевые слова
Мы сами превращаем в яхонт.
В том, что дурная голова
Так рвется к плахе.*

*Под книжным флером волшебства
Не обнаруживши подделки,
Мы на своем дворе дрова
Ломаем в щепки.*

*И жжем костры, и жжем мосты,
И жжем других в своем безумстве.
Вместо того, чтобы остыть.
Вместо того, чтобы проснуться.*

*Собрать кровать, собрать рюкзак,
Согреться Баренцевым морем.
Вернувшись, разобрать бардак,
Вогнать в смешное сердце шпоры,*

*Вогнать клинок по рукоять
В желанье танцевать у края...
Мне не за что тебя прощать.
Вот я и не прощаю.*

Сучья сущность

*Сучья сущность руки-сучья
Тянет, щерит рот в усмешке.
Посмотри, хрипит, сподручней
Жить ладьею, а не пешкой.*

*Одолела, села, съела.
Совесть усмиряет вериги.
Да кому какое дело
Что там в скрепах ветхой книги?*

*Кто по ней – грешат похлеще.
Все мне братья, все мне сестры.
Сучья сущность руки-клещи
Тянет, раздувает ноздри.*

*Шепчет, щурится, смеется:
Завралась совсем, хозяйка!
Посмотри на дно колодца:
Где там Чехов? Кто там чайка?*

*К черту руты сухоцветы!
Слишком нежно, слишком слабо.
Не писал Шекспир сонеты
Тихим, мирным, верным бабам.*

*Блядскую блюди натуру,
Изменяй мечтам и милым.
Дига lex, а все же дура!
Будь безумной, будь красивой.*

*Бейся, девка, в красном платье
Приступом святого Витта.
Бей смертельным боем карты.
Бито, слито, шито, крыто.*

*Оставляй на шее роспись
Цвета переспелой сливы.
На себя пиши доносы,
Для себя копай могилы.*

*К черту все! Memento mori.
Надышаться – вот что можно.
Соком яблока раздора
Окропляй супружье ложе.*

*Будь не следствием – причиной.
Не послушницей – иконой.
Голову под гильотину
Подставляй, как под корону.*

*Сучья сущность руки-сучьи
Тянет. Жмет, льнет, жалеет.
Не про нас, не с нами участь
Радость с хомутом на шее.*

*Что тебе твои скрижали?
Что тебе твои заветы?
Что кликуши обещали
Из церквей и минаретов?*

*Кущи райские? Прощенье?
После жизни дрессировки
В час большого возвращенья
Нас погладить по головке?*

*Сучья сущность дышит в душу.
И алкает, и ласкает.
Полно, девка. Слушай, слушай.
Бог не выдаст, Бог не фраер.*

*Нет судьбы. Одна удача.
От удара – к поцелую.
Я не слушаю, я плачу.
И танцую. И танцую*

ДЕРЕВО ВИСЕЛЬНИКА

Весна в этом году выдалась теплой, солнечной и нежной. Майя сидела на переднем сиденье школьного автобуса, у самого входа, поэтому могла любоваться цветущими деревьями. Розовые лепестки покрывали чистые, ухоженные улицы с аккуратными, ладными домами на них. Конечно, ненадолго – старательные роботы-уборщики почти сразу затягивали их в свое нутро, считая мусором. Но даже так, это было красиво.

На соседнем месте снова зашуршала обертками от печенья Ализа – подруга Майи. Они с самого утра не разговаривали из-за этого. Мало того, что Ализа несерьезно относилась к поездке, проспала из-за очередного глупого сериала, так теперь еще и нарушала правила – в автобусе нельзя было есть. Майя считала, что это возмутительно. Ее мама бы такого точно не одобрила.

Автобус мигнул левым поворотником, и в лобовое стекло ударил ослепительный свет, отраженный от стеклянных крыш Дома Памяти. Майя выпрямилась – это было священное место. По всему городу таких домов было штук пять, но в этом она еще не бывала. Слишком далеко от школы и дома. Майя задержала дыхание и сжала пальцами концы форменной юбки. А потом услышала стук пальцев по экрану: Ализа набирала кому-то сообщение, когда они проехали мимо таблички с названием. И когда остановились тоже. В святом месте!

– Теперь на улицу, строиться, – подала голос преподаватель. И, как всегда, он звучал чуть более сердито, чем стоило бы.

Майя никак не могла до конца понять эту учительницу. Иногда та казалась равнодушной, а иногда злилась на каждую мелочь. Девочки из ее школы хихикали и говорили, что она такая потому, что не замужем, а Майя верила, что причина в другом. Обязательно в чем-то трагичном и печальном.

– Я раздам вам программки, чтобы вы могли понять, что вас ждет. Они утверждены директором и родительским советом.

Учителя всегда выдавали такие буклеты и всегда говорили про утверждение. Этим они подчеркивали, что нет причин не доверять той информации, которую школьники сейчас услышат, и что родители знают, о чем пойдет разговор. А раз все

утверждено, никакие жалобы от учеников рассмотрены не будут. Майя получила свою книжицу и осторожно пролиставала ее. Вначале музей – им расскажут о Революции, о том, как они победили и как страна расцвела под новым правительством. Потом – интерактивный урок. Здесь они смогут протестировать себя на знания основных вех: когда началось Восстание, кто был его идейным вдохновителем, сколько было Лидеров за все время правления Нового Правительства и какие вопросы решались на Больших Советах. Дальше у них небольшая лекция и поход в Комнату Прошлого – там они вспомнят о том, как было ДО. Послушают о неравенстве, царившем в их стране. Об ужасах медицины, приведшей к большой эпидемии, с которой они не справились. Отдельно лекторы всегда упоминали о том, что в прошлом дети не уважали свою страну, не любили ее. «Они даже гимн не знали!» – это поражало Майю больше всего. Она не могла поверить, что Родину можно не любить. Это не укладывалось в голове.

– Смотрите, мы, наконец, попадем в Галерею Проклятых!

По классу пронесся взволнованный шепотом. Майя спешно пролиставала программку. Действительно, в этот раз им разрешили пройти среди портретов тех, кто встал на сторону врага. Галерея Проклятых была особенным местом. Местом, где ты смотрел в глаза тем, кто воевал с твоими бабушками и дедушками. Местом, где тебе разрешали ненавидеть и рассказывали страшные вещи о том, что творили эти люди.

– А потом будут Столпы Мести!

И тут Майя вздрогнула. Столпы Мести были только в этом Доме Памяти. Майя никогда их не видела, но говорят, что на них вешали тех самых людей из Галереи Проклятых. Три огромных старых дуба. Место справедливого возмездия.

– Круто, скажи! – Ализа, словно забыв о том, что они поругались, повисла на плечах у Майи, восторженно закусывая губы.

Майя не считала, что тут есть чему восторгаться, но понимала важность происходящего, поэтому кивнула.

– Все прочли? – спросила преподавательница.

– Да!

– Тогда за мной.

И Майя в числе первых вошла под святые своды.

Обычно в Доме Памяти были только они одни. Мама говорила, что это помогает глубже проникнуть в суть. Майя привыкла к всепоглощающей, гипнотической тишине залов и шелесту туфель по густым коврам. Но сегодня в холле они столкнулись с еще одной группой учащихся, и это выбило Майю из колеи. На самом деле, это выбило из колеи всех, даже их преподавательницу. Потому что на учениках была черная форма.

– С ума сойти, ты только посмотри! – взбудораженно дергая за рукав Майю, пропищала Ализа.

– Да нечего тут смотреть, – сердито отдернула руку та.

– Иди ты! Это же Прокаженные! – Ализа выглянула из-за плеча подруги и прищурилась. – Говорят, что им нельзя ни к чему прикасаться голыми руками... гляди, реально, у всех перчатки!

Майя шикнула на подругу, но глаза ее зацепились за пальцы, упрятанные в черную ткань.

– Папа мне как-то проговорился, что их не учат грамоте. Дай кому-нибудь из них программку, давай проверим, могут ли они читать! – Ализа закусил губу и толкнула Майю в плечо.

Из-за этого Майя выронила буклет. Тот заскользил по натертому полу и оказался чересчур близко к группе в черном. Майя осознала это, когда и сама оказалась почти там же, бросившись следом.

– Майя, вернись немедленно! – голос преподавательницы звучал встревоженно. – Сейчас же!

Майя потянулась за буклетом, когда увидела черный ботинок, толкавший программку к ней. Она ухватила буклет кончиками пальцев и ринулась обратно. И только после того, как между ней и прокаженными возникла фигура их руководительницы, беспощадно ее отчитывавшей, Майя смогла найти в себе силы и рассмотреть того, кто помог ей.

Ему было лет десять, наверное. Или таким маленьким его делала неестественная худоба и бледность? Как плохо нужно питаться, чтобы твои руки напоминали ветки дерева в разгар зимы? И как мало бывать на солнце? Майя не могла рассмотреть его глаз – он, как и вся его группа, смотрел в пол, строго себе под ноги. Это было поразительно и пугающе одновременно. Майя слышала от кого-то в школе, что Прокаженным запрещено поднимать взгляд, но это было больше похоже на байку. А теперь она смотрела на странно прогнутую шею с чередой выступающих позвонков, на плечи, которые падали вперед так сильно, что лопатки торчали, как подрезанные крылья, и уже не могла не верить.

– Ты поняла меня? – преподавательница взмахнула руками, и Майя отвлеклась.

Обычно после замечания она чувствовала себя ужасно, ее терзала вина, и ей хотелось поскорее исправиться, чтобы преподаватели снова считали ее хорошей ученицей. Но в этот раз, все было иначе. Мальчик в черной форме заполнил собой все пространство в ее голове и не собирался возвращать внимание так просто. Преподавательница отошла к куратору, и они вдвоем принялись что-то едва слышно обсуждать.

– Как от них пахнет?

Майя вздрогнула и посмотрела назад. Ализа кусала ногти и старалась получше рассмотреть группу в черном.

– Пахнет? – Майя нахмурилась.

– Я слышала, что они воняют горелым. Типа так редко видят солнечный свет, что жарятся под ним.

Майя бросила взгляд в сторону мальчика и задумчиво оглядела его лицо. Бледный, с острыми скулами и впалыми щеками, он действительно мог обгорать на солнце с такой кожей, но...

– Пахло как от обычных людей, – призналась Майя. – Ну, может немного порошком стиральным.

– Выходит, они как все? – разочарованно прошептала Ализа. – Никаких запахов тухлых яиц или желтых следов, нет? Что? Не смотри на меня так, они же продали души демонам!

Майя тяжело вздохнула:

– Ты вот сейчас серьезно?

Ализа важно закивала:

– Конечно! Ба говорит, что только одержимые согласились бы творить такие ужасы! А еще в том сериале...

Майя раздраженно отмахнулась: суеверия и выдумки. Ее мама всегда повторяла, что именно они портят их идеальный мир.

– Девочки, – руководительница снова встала между ними и группой Прокаженных. – Мы идем первыми. Убедительная просьба, не смотреть и не разговаривать с той группой. Всем ясно?

– А плюнуть можно? Это же не говорить!

– Нельзя! – преподавательница нервно убрала прядь волос, выбившуюся из высокой прически. – Ведите себя так, словно их здесь нет. Понятно?

Класс нестройно кивнул. Многие досадливо причмокнули. Майя подумала, что знает тех, кто с удовольствием был плюнул. Такие девочки тоже водились у них в школе.

– Хорошо, а теперь в пары, – преподавательница развернулась вперед и велела идти за ней.

Майя шла в третьей паре, и когда они поравнялись с Прокаженными, она снова попыталась поймать взглядом того мальчика, что подтолкнул ей буклет. И в тот самый момент, когда своды музея почти сомкнулись над ней, она поняла, что мальчик смотрит на нее в ответ. Она вздрогнула и отвела взгляд.

В этот раз экскурсия не захватывала Майю. Она рассеянно слушала Хранителя, плохо отвечала на тесты, и даже эмоциональный лектор не смог до нее достучаться. Майя продолжала думать о насыщенно карих глазах и о взгляде, который ей был не знаком. Мальчик в черном смотрел, как смотрят животные в зоопарке – дай ему возможность, зайти в клетку, и тебя ждет мучительная смерть.

Галерея Проклятых была самым темным помещением в Доме Памяти. Темно-серые, асфальтовые стены держали на себе портреты людей. А ниже, на темных табличках, были выбиты их имена и написано, какое преступление они совершили. Майя шла узким коридором за Куратором галереи и чувствовала, как ее наполняет негодованием и страхом. Эти люди убивали, насиловали, пытали тех, кто воевал за ее жизнь, за ее маму и папу, за то, чтобы они встретились и полюбили друг друга. А потом ей в глаза бросился портрет с насыщенно карими глазами, и Майя замерла. Она уже видела их сегодня – эти глаза.

– Что случилось, деточка? – Куратор заботливо положила руку ей на плечо. – Ах, это. Это капитан Саргин. Ты, должно быть, знаешь его по той ужасной истории, когда украденные им дети погибли в огне. Ужасный человек.

Майя слабо кивнула. Она слышала про Детского Капитана, его иногда еще звали капитан Крюк, в честь того самого капитана пиратов из истории о Питере Пэне. Но разве могут быть у плохого человека настолько печальные глаза?

– Он сожалел о том, что сделал? – спросила Майя.

Куратор удивленно посмотрела на нее. Наверное, такие вопросы ей задавали не слишком часто.

– Люди, похожие на капитана Саргина, неисправимы, милая, – улыбнулась она. – В свой последний миг он винил в детских смертях наших повстанцев.

– Почему?

– Он был плохим, злым человеком, который так и не осознал своих поступков, – мягко ответила ей Куратор. – Пойдем, милая. Твоя группа ждет.

Майя бросила последний взгляд на портрет Капитана и испугалась собственных мыслей. Она не должна была испытывать к этому человеку ничего, кроме ненависти. Он очень плохой. Ведь так? Тогда почему внутри все так болит и колется, будто ты съел чужую конфету и не признался в этом?

Столпы Мести оказались красивой зеленой поляной. Под раскинувшимися во все стороны кронами царил мягкий полумрак и убаюкивающий шелест. Смотритель Столпов проникновенно рассказывала о страшных событиях прошлого, а Майя могла думать только о том, как чувствовал себя капитан Саргин, когда на его шею закидывали здесь веревку.

– Смотри! – Ализа дернула Майю за плечо.

У невысокой живой изгороди стояла группа в черном, и глаза их то и дело скользили вверх, к деревьям.

– Зачем им сюда? – спросила Ализа Смотрителя.

– Чтобы они не забывали, в каких преступлениях повинны. И понимали, что мы, в отличие от их дедов, куда гуманнее. Ведь они живы.

– Идемте дальше, пожалуйста, – занервничала преподавательница.

– Конечно, – улыбнулся Смотритель. – Сюда.

Майя последовала за всеми, но в самый последний момент сделала вид, что у нее зацепилась юбка за изгородь. Ей сложно было объяснить себе это непонятное желание, но карие глаза не давали ей покоя. Ей хотелось еще немного времени провести в этом месте.

Мальчик, с глазами капитана Саргина, бросил на нее осторожный взгляд и незаметно приблизился. Теперь их разделяла лишь изгородь, а большой дуб скрывал от остальных.

– Помочь?

Майя вздрогнула. Голос у него звучал так, словно он нечасто им пользовался. Какой-то надтреснутый и сырой.

– Не надо, спасибо, – натянуто ответила она.

– Ладно, – сложно было понять эти интонации. Но по тому, как помрачнело его лицо, Майя поняла, что он обиделся.

– Тебе здесь... нормально? – Майя не знала, как спросить обо всем этом иначе.

Мальчик неловко поднял голову и посмотрел на листву высоко над ними.

– Здесь красиво, – шепнул он.

И от этого шепота у Майи побежали мурашки. Так безнадежно он звучал.

– Деда повесили на том дереве, – он кивнул вперед, там, где собралась большая часть группы.

Значит, он действительно внук капитана Саргина.

– На самом деле, мне жаль, – призналась Майя. – Если бы он не крал детей, то возможно...

– Он не крал.

Майя поразились тому, как это было произнесено. Не криком, без злости, в шепоте звучала непроходящая боль.

– Он прятал. Им некуда было идти. Их родители погибли. А дед собрал их и увел в это здание – там было тепло, что поесть и где поспать. Но главное, там не было шальных пуль. Дед специально нарисовал на крыше красный крест – этот символ означал госпиталь в его времена. А по госпиталям не стреляют. Раньше не стреляли. Но повстанцы решили иначе. И 50 детей сгорели заживо.

– Это не так, – шепнула Майя. Ком в горле грозил помешать сделать очередной вдох. Это все не может быть правдой. Этот мальчик врет.

– Почему? – спросил он. – Потому что тебе рассказывали по-другому?

Майя слабо кивнула.

– А мне рассказывали вот так, – пожал плечами мальчик. – Кого-то из нас обманули.

– Мама не стала бы, – возразила Майя.

– Мой отец тоже, – он помолчал, а потом добавил. – Возможно, они оба не правы.

– Как это может быть? – Майя непонимающе смотрела на стоящего перед ней.

– Когда тебе говорят только часть правды, ты делаешь глупости.

Майя нахмурилась. Все, что говорил этот мальчик, было неправильно. Но почему-то именно его слова казались Майе настоящими.

– Как тебя зовут? – спросила она осторожно.

– Семнадцатый, – ответил мальчик. – У нас нет имен. У тех, кто виноват.

– А как звал тебя твой папа? – шепнула Майя. Ей не хотелось использовать безликие цифры.

– Саша, – отозвался тот. Он произнес это так, словно никогда прежде не называл его вслух.

– Я рада, что мы встретились, Саша Саргин, – Майя протянула ему руку.

– Я тоже...

– Майя Зур, – она улыбнулась.

– Я тоже, Майя Зур, – он сжал ее пальцы своими.

Синдром попутчика

*Вот этой глупой головой
Я думал о тебе.
Вот этой грубою рукой
Держал твою в тепле.
Вот этим грязным языком
Я вылизжу тебя.
Ты не мечтала о таком?
Ну, это очень зря.*

*Мы оба мясо и слова,
Слова – они нетленны.
А тело тленно, оба два,
И ты могла, наверно,
Найти кого-то поумней
И даже покрасивей.
Но чтоб хотел тебя сильнее?
Такого нету в мире!*

*сними с меня ответственность
пальто мое и шарф
земля – это посредственность
тупой немытый шар
все крутится и крутится
как мясо на кебабе
и я кручусь как ступица
и как тревога в бабе*

*сними с меня ответственность
пальто мое и шарф
земля – это проекция
я как воздушный шар
мечусь между проектами
жизнь – танго нищеты
как муха над котлетами
как ночью патрули*

НИКОЛАЙ КИСЕЛЕВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

*сними с меня ответственность
пальто мое и шарф
я главная посредственность
разбитый диско-шар
и мутит от вращения
от самого себя
такое ощущение
что я возвращаюсь зря*

*сняла с меня ответственность
пальто мое и шарф
в глазах читаю трепетность
и как бильярдный шар
я падаю и с грохотом
ныряю в темноту
а завтра нервным всполохом
опять я полечу*

Вологда

*Я мог бы здесь родиться и расти,
Уехать на пороге двадцати
И возвращаться по три раза в год,
Хоть сессия, работа и цейтнот*

*В таком дворе я доигрался в мяч
А после говорил тебе: не плачь
Теперь, я знаю, сына родила
И слава Богу, он не от меня*

*Я мог бы тосковать не по церквям,
По пьяни заорать, что все отдам
Не ради камня белого Кремля,
Но маминой улыбки нежной для*

*Обычный человек обычно жив,
Во мне метафизический надрыв
И я, кусая губы, бормочу,
Что все еще немножечко люблю*

*Тебя и город томных облаков,
Ленивых сонных солнечных дворов,
Я буду верен как бездомный пес
Всему, что здесь со мною не сбылось*

*обнимать деревья в парке
убежав от санитаров
не хочу речей врачебных
а хочу зеленый шепот
мне целительная хвоя
лапой голову накроет
в тридевятом детстве папа
так пугал температуру
перехватывала горло
белой россыпью ангины
как халаты санитаров
сквозь пионовые клумбы*

*я заруюсь корнем в землю
подниму ладони кроны
где ты, ласковое солнце
золотые поцелуи
когда я бывал влюбленным
всем мирам казался ясьень
а теперь в краю кроватном
сохну – робкая крылатка
бродят тени вдоль палаты
ива плачет за решеткой
и больничная пещера
в парк меня не выпускает*

*дождливо сегодня, дождливо
ветер мечется в белых ивах
бьется голос, молчит динамик
я возьму осколок и мир исправлю*

*отделю тоску – заблестит осокой
отделю мечту – станет дом высокий
отделю тебя – спрячу в доме том
отделю себя – будем мы вдвоем*

*но однажды выйдем гулять на луг
и босые ступни пораним вдруг
ляжем мы с тобой у полыни горькой
не заметив, как поросли осокой*

КОЛОБОК

Уязвимость – это оружие.

Значит, я –

*до зубов беззащитный и уповающий на ненужность,
выхожу, выползаю, качусь живым колобком
по тропинке, что доведет меня
до тебя.*

*Защити меня рыжим огнем от холодного неба,
от пряного морга, от злакового небытия.*

Уязвимость – это оружие.

В детстве я был послушным.

*Говорили на край не ложиться – я не ложился.
Но волчок все равно приходил, рассказывал сказки
про ленточку, за которой – серая зона,
где стаями павшие птицы, где косяками
мертвые рыбы и самолетики оригами.*

*Скребли по сусекам, форму мне придавали,
на боль меня обрекали – вот этими вот руками.*

*Я от дедушки-мертвеца ушел,
я от бабушки мертвой тоже
ушел, но твоя западня на мертвую не похожа –
и что же мне делать, спрашивается, что же?*

*Насыпать дорожек, ускориться и пропасть.
Искристая твоя кожа, розовая твоя пасть.*

Уязвимость – это оружие.

Значит, я –

*до зубов беззащитный, до массового поражения,
уповающий на ненужность петли в отсутствие шеи,
качусь по тропинке, ползу по сырой траншее,
которая доведет меня
до тебя.*

*Мимо зайца, медведя, волка, диверсанта или осколка,
дазайна или потока, ментального потолка –
туда, где всегда так сказочно и жестоко
заканчивается история
колобка.*

ЕГОР СЕРГЕЕВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ХРАНИТЕЛЬ

*Он ведет меня за руку через русское
поле, полное штормового предупреждения,
криков, стихов и экспериментов.
Укрывает меня прозрачного, грустного
никелевой рукой от шершавых звезд
и когтей мертвецов,
что продолжают расти на девятый день.
Не за тем меня мама растила, мучилась, не за тем –
так они говорят, протягивая ко мне
глаза голубые, вытекшие – застенчиво, обезглавлено.
Быть воином – значит жить вечно.
Быть поэтом – значит умирать вечно,
да так никогда и не умереть нормально.
Он укутывает меня в ватное одеяльце,
в белую простынь от комаров
карельских, звероподобных,
в ласковый броник от пуль украинских, точных,
в холодную воду, в правду, в которой, говорят, сила.
Он отмаливает меня весело и кроваво у всего мира.*

*Он отмалчивает меня,
не указывает меня беспилотнику или в смете.
Он скрывает от меня смерть и меня от смерти.
Я открываю глаза от прикосновения его черной тени,
и изо всех сил живу
еще один долгий день.*

КОГДА ЗАЦВЕТУТ ВИШНИ

*Когда зацветут вишни,
я вымету из углов
всю смерть, пауков, скелеты и запятые.
Стихи,
казавшиеся нетленными и святыми,
спутавшиеся буквами, станут пылью на языке,
осадком молитвенным, пудринками неслышными.*

*Когда зацветут вишни, пробив дыру в моем потолке,
когда зацветут вишни,
ты позвонишь мне,
ты позвонишь мне – и мы пойдем
прогуливать по садам,
весенне выпрыгнем в форточки.
С одной веточки, да под мякотками одни косточки.
С одной дуручкой да под деревцем от грозы прятаться.
Весной, утречком да на лестнице говорить, плакаться.*

*Когда зацветут,
когда зацветут вишни,
говори мне что-то хорошее (говори тише),
говори мне что-то непрошенное, говори лишнее,
говори все –
не мельчайся, все говори.*

*Для чего-то же существовали эти несчастные февраль.
Для чего-то же существовала смерть
и с ней – пауки, скелеты и запятые.
Для чего-то же они были.*

СОВЕРШЕННАЯ ГРУСТЬ

*У нее – анимешное прошлое,
у него – ультраправое.
Оба многое знают о брошенности и травле.
Не говорят ничего восторженного о травме.
Существо мое – бесполезное, но живое.
Мастерство обламывать лезвие ножное.*

*Ты – боль моя, боль. Укусит волчок за бок.
Но все ничего: мы русские – с нами бог.
Ты – поле да поле, до черного моря – сгустки.
Но все ничего: я бог, ведь со мною русские.
Окупись в мои волосы, сны и бомбардировки.
Высохнут слезы, поблекнут татуировки.
Белое кружево, стертые в пух колени.
Миру не нужно больше двух измерений.*

*Черное солнце будущего грохочущего,
неоновая холодная нерасчерченность,
прости нам долги наши,
яко же и мы оставляем должникам нашим.
Хлеб наш насущный,
а также бензин и боеприпасы,
и увеличивающие глаза контактные линзы
дай нам на сей еще один долгий день –*

*и твое будет царство, сила и слава,
нашивки и балаклава,
ныне и присно, солоно или пресно –
да только бы интересно
и вовеки веков, аминь.*

*Не отдай меня, не покинь.
Будет пётелька или нобелевка.
Взлетают валькирии
под последние ноты опенинга.
Мерцает прекрасно
яростных рабиц радиус.
И я до тебя дотрагиваюсь,
я до тебя дотрагиваюсь,
я до тебя дотрагиваюсь.*

Ветер вьюнков

Стояла многодневная жара.

Лужа высыхала – еще неделя и на ее месте окажется растрескавшееся глинистое пятно без капли влаги.

Весной, когда река широко разлилась, удобно развалившись в пологих низинах правого берега, – ни о какой луже разговор не шел. А потом вода начала медленно спадать. Тогда и образовался этот заливчик – мелкий и вытянутый, с коротким узким перешейком, не более двух метров шириной, который, словно пуповина, связывал залив с рекой.

А потом...

Потом прекратились дожди, и наступила жара. И солнце – целыми днями, солнце – палящее и безразличное.

Пересох перешеек. Заливчик обмелел и превратился в лужу.

Первыми подошли большие, которые не успели по полной воде уйти в реку. Высыхал, исклеванный воронами большой язь. Перед смертью долго ворочался в грязи, мучил воду вокруг себя. Белели боками плотвички, покачиваясь на мелко-воде.

Ушли лягушки – стало мало воды, и она слишком прогрелась днем.

Из живого лужу сейчас заселяли: водомерки, жуки-плавунцы, да семейство вьюнков – маленьких рыбок, похожих на безлапых ящериц или тритонов. Извиваясь телом, они могли закапываться в ил или грязь и выживать при том минимуме воды, что оставался в луже.

Еще по большой воде вьюнки отнерестились, и теперь, оставшиеся в живых, шесть рыбок лежали, зарывшись в теплую грязь, судорожно пропуская воду через жабры. Какой-то древний инстинкт заставлял их жаться ближе к пересохшему перешейку. словно чувствуя большую воду, что-то ждали...

И следующий день был таким, как предыдущий.

И еще один.

А потом неожиданно поменялось. Подул ветер. Стачала слабый, еле ощутимый в полыхающем солнечном мареве.

Стал сильнее – закачал ветви ивы, загулял по траве, по воде, гоня мелкую дробную рябь.

И задувал ветер точно вдоль высыхающего залива, в сторону перешейка, и нагонял, нагонял волной воду.

АЛЕКСАНДР ГРИНЕВСКИЙ (МОСКВА)

Незаметно, вода в луже стала подниматься. Ветром и волной к перешейку прибило тела мертвых плотвичек, палки, ошметки водорослей.

И сам перешеек становился все уже и уже. Вода из лужи, гонимая ветром, стремилась к реке. Медленно, смачивая сухую землю, превращая ее в грязь, вода наступала, волоча следом дохлых рыб и мусор.

И вот тогда они поползли. Извиваясь в грязи, обдуваемые ветром, стремились к реке, к большой воде, к жизни.

Два вьюнка потеряли направление и ползли чуть вбок. Наползающий поток выложил на их пути суковатую палку, упершуюся одним концом в берег. Не преодолеть. Там они и остались ворочаться в грязи и ждать.

Остальные четверо, подгоняемые ветром, доползли, доворочались до большой воды.

Грязными комками уходили на глубину, оставляя за собой легкие облачка мути.

Вокзальные боги

Бесконечная череда встреч и расставаний.

Вокзалы и поезда.

Когда-то это должно было закончиться.

Она устала. Одной любви ей мало, нужна семья. А вот семьи-то у них быть не может.

Все правильно сделала – нашла мужика, приехала предупредить, что всё. Конец.

А как ты хотел иначе? Она и так тебе подарила четыре года своей жизни. Своей молодой жизни.

Площадь трех вокзалов – людское серое варево. Машины. Жарко. Сумерки вот-вот...

Стоял напротив дверей, ждал ее.

Проводы. Очередные проводы. Хотя нет, эти – последние.

Мимо шли люди. Сумки, чемоданы. Суета вокзальная.

И, конечно же, скучающие милиционеры. Ну какие они полицейские? Таких расхристанных и с такими рожами полицейских не бывает.

И вездесущие бомжи – грязные, обособленные – вон, расселись прямо на асфальте, среди смятых клетчатых сумок. Островок чужого мира. И смотреть неприятно, а тянет.словно подглядываешь.

Трое. Это баба, что ли? Не разберешь. Штанину задрала, ногу рассматривает. А нога какая-то неживая, рыбьей белизной отдает. Даже отсюда видно.

Идет! И радостью полыхнуло. Бездумной.

Юбка длинная, бледно-зеленая с желтым, кофта красная и сумка через плечо. Вся яркая, красивая и улыбка на пол-лица.

Рада, рада меня видеть. Не прошло ничего, не кончилось.

Ну не верю, не верю, что навсегда.

И окунулись друг в друга, слились, застыли, и запах шеи, волос, и дотрагиваться губами до кожи, и чувствовать, как вжимаясь вырастает она в тебя.

И целовать.

Обрушился вокзал. Пропал.

Вместе, снова.

Отстранилась.

– Пойдём, – тянет за собой, улыбается радостно, словно праздник у них, – надо билеты распечатать и в туалет мне надо.

И вокзал снова. И шум улицы опять. И она к дверям, а он следом.

– Чего тебя перекосячило? Пей!

Ударил легонько в плечо, колыхнуло в пластике, страшно стало, прольется – нет, удержалось, прокрутилось у ободка.

– Да этот... Седой, с бородой... В штанах клетчатых. Ты еще, Вован, сказал, что с дочкой, а он ее так целовал, что...

– Ага. Помню этого... пидараса. И что?

– Просит он.

– Ну?

Не интересовало Вована, что просит этот.

Достала эта Гришанина способность чувствовать.

Выпить сейчас мешала.

Чувствовать он может все что угодно, а делать-то все равно придется ему... Поезд остановить или его заставить следом бежать и за последний цепляться. Он будет все делать. Он. Но это когда скажут, когда велют. Пускай верхний решает.

А сейчас выпить надо. Вилы иначе. Головы уже нет, боль одна и отупение.

– Ну? – повторил.

– Просит, чтобы оставили ее, чтобы не уезжала.

– Хорошо просит?

– Просит... но невнятно как-то.

– Решай, давай. Или беги, докладывай, или на хрен его и выпиваем.

– Не знаю. Просит ведь. Должен...

Плескалось в стакашке. На донышке. Гул вокзальный напел, заволаживал постоянством.

На виду сидели, а словно одни. Пили.

– Забей. Мария Николаевна, что скажешь?

Машка не слушала, бинтовала грязным эластичным бинтом ногу – вены повыперли, ходить больно, не то что присесть – не встанешь. Маята.

– Если бы он любви просил – это ко мне. Просил любви? Любви просил? – начала сразу нахрапом, с наезда.

– Любви не просит. Там любви выше крыши. У обоих. Просит оставить.

– Ну и хер ли вы меня трогаете? Идите вы... – не дожидаясь, опрокинула из стаканчика, отшвырнула, покатылся под ноги мимо идущих, с сумками, шаркающих.

– Баба, – Вован хмыкнул и смачно сплюнул на асфальт, рядом. – Давай! – опрокинул свой.

Гришаня все еще сидел с перевернутыми глазами.

– Просит ведь.

– Тогда беги, докладывай. Скажут – остановлю, – Вован выудил из клетчатой, расплывшейся по асфальту сумки пластиковую бутылку – опивки кваса колыхались на доньшке. Хлебнул, смял с хрустом, швырнул обратно в сумку.

– Что расселся? Либо туда, либо пей и забудь.

– Да-да, – глаза Гришани вывернулись, встали на место. – Не так просит... Сам пускай... – опрокинул стаканчик, перекосило всего. – Сам... – с водочным выдохом, с выворотом нутра, на грани блевоты.

Вован подхватил за плечи, словно поддерживая, на самом деле отодвигал от себя.

Гришаня кашлял. Слезы текли по грязным щекам.

Он, взрослый дурак, бежал вслед за вагоном.

Она тянула к нему обе руки из приоткрытого окна.

Он уже не видел ее только руки – шевелились, что-то хотели, жили, звали.

Он бежал, отставая, а мимо катила серо-стеклянная череда вагонов.

Исповедь

Посвящается Д. Гаранину
*Не отыщется аналогий.
Ведь подобная боль одна...*
Д. Гаранин

*Представляется чащей рассохшийся мрак.
Обращаются отблески в резкие тени,
Затушеваны ими пролеты, ступени...
Визуальность примерил поддавшийся враг,*

*Обесцветив наигранно броскую явь,
Проявляя ошибки багровым, пробелы.
Доказательства скупости вдруг заглубели,
Опрокинув сознание в зловещую навь,*

*Заставляя внимание все ж обратить:
Переломана жизнь по периметру, в ребрах.
Безучастным согласием прежде одобрен
Ужаснувшийся исход – перерезана нить.*

*Обескровлена небом в сверкающий год.
Появление – не увертюра с истоком –
Кульминация «Сына», разверстая роком
В преломлении рулад канареечных нот¹.*

*Отражается в омуте матовом суть:
Темнота стережет в поворотах дали.
Остается терпеть, становится Алли²:
Безопасно с дороги никак не свернуть.*

*Исповедуюсь Вам, обнаруживший твердь,
Примирившийся в прошлом с оковами ночи!
Освещению накрепко путь заколочен,
Откровение красок – однако мольберт.*

1 Примечание автора: Отсылка к роману Дины Рубиной «Русская канарейка»

2 Примечание автора: Имеется в виду Алетейя Моберли, роман Сары Мосс «Фигуры света»

*Догорают лучи полинявшего дня,
Застывает мольба в первородной тревоге:
«Отыскали из чащи к покою дороги,
Умоляю, к нему проведите меня!»*

Нищая

*Нас кто-то бережно хранит
и держит краски,
а на ветру фонарь горит
из доброй сказки.*

Анна Сеничева

Между твоей прозорливой мглой и моим ослепляющим светом пролегли, как борозды в поле, аредовы веки студеных зим и окрашенных красным лун.

Я давно не служила в храме, но все еще слушаю музыку звездных струн, звучавшую, как акафист в апрельском мае, забирая промозглый февраль и март. Если помнишь, лед на реке ломался, я, обнищав, просила взять в обучение небыли, быть-то крошечный ад. Ответом мне стал удивленный смех: «Точно ли? Слышала глас народа: меня Аникой-воином зовут, и уже давно. Нужна ли такая слава?»

Я промолчала, только шагнула с паперти и подняла глаза. Взгляд изумрудно-серый сказал без слов: «Не может стать черно-белым мир цветных изначально снов».

И нарек ты меня Адвокатом Божьим, а люди – Лучом Звезды.

Было это, когда лед на реке уже начал таять. С той поры я сделалась твоей тенью, научилась по новой дышать и петь.

Безумие, что хотя между нами аредовы веки студеных зим и пропасть, осколки других миров, но костер того мая все еще продолжает тлеть.

И, быть может, ему аредовы веки жить, силу беря из аттической соли твоих стихов и знания Верениновой¹ о яркости простых, незначительных слов.

¹ Примечание автора: Веренинова Жанна Борисовна – профессор кафедры фонетики английского языка. Имеется в виду, ее теория о том, что у каждого английского звука есть свой цвет.

Полынный заговор

*Я – полынь-трава,
Горечь на губах,
Горечь на словах,
Я – полынь-трава...*
Ника Турбина

– День, как ночь?
– Чем помочь?
– Жизнь стала совсем невмочь,
– Все плохое к прошлому приурочь.
Есть лишь миг, остальное прочь.

Кому-то по звездам лучшее напорошь.
– Жизнь невмочь?
– Ночь, как день, день, как ночь.
– Чем помочь?
– Расскажи, как горечь полыни в свет растолочь.

Тьма

*«Света! Дайте мне света!» – бился
безмолвный крик моей души.
И свет любви воссиял над
о мною в тот самый час.*
Елена Келлер Адамс¹
«История моей жизни»

*«Тьма». Понимаешь? Твой мир – абсолютная тьма.
Люди иначе живут. Выбирайся на свет.
«Свет». Понимаешь?
Нет. Ощетинилась зверем. Злоба нема.*

*Взгляд отрешается. Двадцать отпущенных дней истекли.
Гениям будет приятно узнать, нет на свете чудес.
Стоит игра потухающих свеч? Темнота на стекле.
Свечи! Что ж, еще повоюем, проказливый бес.*

¹ Примечание автора: Хэлен Адамс Келлер – американская писательница, лектор и политическая активистка. Она потеряла зрение и слух в возрасте полутора лет. Острое воспаление мозга превратило сообразительную малышку в мятущееся животное, которое тщетно пыталось понять, что происходит в окружающем мире, и безуспешно объяснить этому миру себя и свои желания. Сильная и яркая натура, которая впоследствии так помогла ей стать Личностью, поначалу проявлялась лишь в яростных вспышках безудержного гнева.

*Отсветы пламени с буквенной вязью знакомят ладонь.
Вновь, не ропща, объясняю: «Теплом утверждается свет».
Бред сумасшедшего. Дикую душу пугает огонь:
Снова становится видимой тщетность безмолвных бесед.*

*Свечка летит со стола. Умирает надежда. Мрак.
Чудится, будто смеешься: «Насколько глаза помогли?
Спас ли хваленый твой свет?» Победила. В смятении враг.
Шаг по-звериному чуткий затихнет где-то вдали.*

*Скоро наступит рассвет. Увы, не случится чудес.
Способ единственный что-то сказать – прикоснуться рукой,
В муке застыла. Зацветишие розы наносят порез,
Острая мысль: «Уступлю – разрешу отслужить упокой».*

*Подхожу, открываю ладони. Не бойся, задай мне вопрос:
– «Тьма», понимаешь? Мой мир – темнота, и спасения нет?
Нужен ответ, но тенями слова разбегаются врозь.
Чуть поразмыслив, добавишь: «А может, я все-таки свет?»*

Сорокоуст уязвимости

*Не реви, говорю, успокаивайся. Все будет.
Есть у Бога на небе точные карты судеб,
На твоей, как на прочих, значит, что все к лучшему,
Даже если ты катишься к черту в леса дремучие.
Анастасия Апухтина*

*Если у Бога на небе есть точные карты судеб,
Если ему все дети и каждый из нас родня,
Почему же Господь не наставит на истинный путь меня?
Неужели отец за слова и поступки при жизни судит?*

*То ли дыхание вечера, то ли мороз по коже
Вынудит стойкое тело внезапно согнуться вдвое,
Но не будет участия, будет обилие лиц прохожих,
А еще безысходность, что рвется на волю собачьим воем.*

*Это реальность, феерической сказки плохой прообраз,
Это монеты реверс и та сторона Луны.
Как ребенок, что после трагедии был из осколков собран,
Привыкаю без ужаса жить, посеревшие видеть сны.*

*Свыклась, но резь под ребрами вряд ли всего лишь снится.
Колокол церкви к вечерне зовет нашедших путь,
А не тех, кто лишается смысла. Сейчас улететь бы птицей,
Но испуганный разум как всегда суется: «Лучше забудь».*

*То ли предвечный наигрыш, то ли по имени оклик
Вздоргнуть заставит, не веря себе посмотреть, чей голос.
Прихожанка из храма. Узнала – кагор был нарочно пролит.
– Потерялась? Помочь? – Я молчу. Лучезарная синь расколо-
лась.*

*– Знаешь, столица совсем не такая, как Белый город.
Гостя случайная вышла из сумрака, села рядом:
– Здесь все торопятся, хмуро поставив у куртки ворот.
Но я снова учусь не спешить, не дышать на ладан.*

*То ли пошел снегопад, то ли глаза обожгло слезами.
Слово царапает горло, звуча невпопад на вдохе:
– Заблудилась. Бледны фонари. Беспощадной метель оказалась.
Запинаюсь. Взглянула на женщину. Легкой улыбки всплох:*

*– Раньше красные улицы кутались в звездной ночи,
Только, казалось, созвездий достаточно, знаю тропы,
Провожали пока до порога, казалось, что любит Отче.
И тревоги не было. А теперь получается только ропот.*

*То ли случайность досадная, то ли смеются черти:
Кот на коленях у гостя чернее полночной тени.
– Суеверная? Страх, как он, будет стеречь до смерти.
Приручай, не беги. Отступают грызущие мысли о тлене.*

*Верь мне, у Бога на небе есть точные карты судеб.
Город любой про любовь, пусть и стал временами строже.
Надевай капюшон, замерзнешь, тернистой дорога будет,
Но горизонт озарится, все вспомнишь с улыбкой позже.”*

*Я подбирала рифму, но так и не подобрала.
Возможно, еще слишком рано;
Вероятно, во мне нет рифменного семени
И не из чего ее вырастить;
Может, просто не встретился тот самый человек
(Меня одной как будто бы недостаточно),
Может, у нас поэтическая несовместимость,
А может, я вообще
Не могу иметь
Стихи*

*Вот и усыновляю подслушанные у других образы,
Вот и удочеряю подсмотренные в книжках рифмы,
Ращу их, пестую,
Покупаю красивые блокноты и ручки с блестками –
А они
Все чаще тарачатся чужими космическими зрачками
И шепчут: ты нам не мама!
Мы вообще тебя не хотели!
Не просили тащить нас в этот убогий дом!
Лучше бы мы остались там, где и были,
Где нам и место,
И никогда бы не стали сиротами,
Потому что родители наши – бессмертны!
А ты – уходи,
Загнивай в своем одиночестве,
Серая и ненужная!*

Так от меня отказались даже мои стихи

*И я сажусь на краешек кровати
Разжимаю пальцы
Серебряными патронусами разлетаются мои строки
В свои настоящие вселенные
Несомые ветром, которого я даже не чувствую*

*Опустев, я падаю
И становлюсь землёй –
В которой ничего не выращивают
По которой топчутся каблуками*

*Волосы и ресницы превратились в пыль
Кости переварились в желудке мира
Слезы впитались в почву*

*А в животе
Что-то толкнулось.*

*мне говорят, поэт не должен писать стихи о стихах,
это пошло
мне говорят, поэт не должен рифмовать кровь и любовь,
это затертая рифма*

*но я с истинно поэтическим упрямством
пишу этот верлибр,
в котором утверждаю,
что если кровь перекрыть любовью,
может многое измениться,
что затертые рифмы могут иметь сакральный смысл,
быть углеродом поэзии,
живицей стихотворения*

*потому что правилам – покоряются,
а восхищаются только бунтарством,*

*потому что помимо слов
важен еще и голос,*

*потому что когда утрачен оригинал,
копии становятся ценными,*

*потому что литература противоречит,
а не поддакивает,*

*и даже этот текст,
который не все назовут поэтическим,
является именно им*

*Какой-то день – простой. Не день – льняная скатерть.
Деревья ждут весну – она несет на стол
Молочную траву, короткую, как память,
Пока с медовым сном еще кипит котел.*

*Обычный день. Не ноль, не единица –
Примерно пять шестых (но тут не точен счет).
А сумерки и ночь в нос отдают горчицей,
И слезы на глазах, и что-то там еще.*

*Вот улица, где все и началось.
Желтеет дом облупленным фасадом.
Он подошел бы скверу или саду –
Не линии, проколотой насквозь
Ветрами с набережной и звонком
Трамвая – старого, сорокового.
Вот улица, где все не ново,
И ничего плохого в том.*

*В кафе пекут все те же пироги
С творожным сыром, зеленью, лососем.
Теперь его не закрывают в восемь –
Мы целый час еще беседовать могли
За этим столиком в укромном уголке.
О ком мы спорили? О Пастернаке?
Как помнятся все эти полузнаки,
Полуприметы журавля в руке.*

*Вот так все было, но не в этом суть.
Остановился миг, в отличие от речки.
И мне все кажется: сейчас, сейчас я встречу
Пусть не тебя, пускай кого-нибудь –
Но встречу, потому что сам
В.О.¹ нас опекает, как бездомных,
И я прочла в его глазах оконных,
Что прочитаешь только по глазам.*

1 Примечание автора: В.О. – принятое в Петербурге сокращение «Васильевский остров»

синяя ягода ночь
лопается во рту
горечь на языке
в комнате бродит молч
трогает воздух тюль
гирькой висит в строке

гирька снаряд ядро
косточка абрикото
слово найди впиши
ягоду ночь утрои
ягода град земля
л а н д ы ш и

Когда умирают реки,
Вода покидает русло,
Она испаряется в небо,
Там ангелы спросят ее:

По нраву ли ей речная
Простая судьба на воле?
Направо-налево поле,
Волна и ветра в груди!

Вода помолчит немного,
В глаза не таясь посмотрит
Да скажет негромко правду
(А правду сказать легко):

«По нраву мне жизнь речная,
По нраву поля и травы,
Волна, что резвится летом
Волна, что уснет зимой»

А главный из ангелов встанет,
Протянет серьезно руку,
Погладит прозрачный локон
Да скажет как дочке ей:

*«Вода! Твой ответ по нраву
Нам, ангелам светозарным.
Пора тебе возвращаться
В объятия земли твоей»*

*Вода зажурчит от счастья,
Обрадуется жизни,
К полям, как к любимым детям,
Назад заспешит – дождем.*

*Полярный круг моей любви
Ты пересек – дошел до края.
От вьюги северной привит,
Горел, не догорая.*

*Но пламя выбелят снега,
Покроют пепелище льдины.
Остынет сердце лесника
В поземке-паутине.*

*Ни с кем, нисколько, никогда –
Слова летят, не отражаясь.
Здесь в лед оденется вода,
А нежность – в жалость.*

*Здесь выживает только мох,
Здесь дуб кудрявый не пробьется –
И ты остаться здесь не смог,
Ты любишь солнце,*

*И северные миражи
Ты в дар приносишь южной умбре.
Но медлил, стоя у межи,
И камни башенкой сложил
На память – тундре.*

Долгая ночь

Человек стоял вдалеке и смотрел на них – маленькая бледная фигура на белоснежном фоне. Он смотрел прямо и спокойно, как взирает грозная сова на крохотную одинокую мышку. Когда грянул гром, и мама упала на снег, он не двинулся. Ни гнева, ни злобы, ни голода, ни торжества – ничего этого не было. Он не бросился к добыче, как делают хищники, и не стал ходить кругами, выжидая момента, как падальщики. Он просто стоял и смотрел, смотрел вдоль черной палки, которая изрыгала гром и огонь. Смотрел на маленького медвежонка, который не успел понять, что в одно мгновение остался один посреди отверженной ледяной пустоши – и один во всем мире.

На миг, когда раздался гром, его дыхание прервалось, словно время остановилось. А затем он услышал – нет, почувствовал, – как мама упала. Сковавший его страх был слишком велик, чтобы отвести глаза от бледной фигуры, но боковым зрением он заметил черный нос мамы и алую кровь, быстро плавающую снег. Горячий запах ударил в ноздри, и тело медвежонка содрогнулось. Он не успел осознать, что именно произошло, но инстинкты сказали достаточно. Как только оцепенение спало, он бросился бежать, бежать прочь, как можно дальше, не останавливаясь, без оглядки, прочь от бледного чудовища и его проклятого грома.

Он бежал, задыхаясь, жадно хватая ртом ледяной воздух, но запах, этот красный запах все никак не отставал, и перед глазами вспыхивали мелькало: бледная фигура, облако пламени, алое пятно, что плавит снег. Из глаз и носа текло. Он начинал осознавать. Он хотел закричать, но не мог – не хватало воздуха, не хватало сил. И он продолжал бежать, не глядя ни вперед, ни под ноги, желая лишь закрыть глаза и проснуться в берлоге, чтобы сказать маме про бледную тварь, скрывшуюся в сугробах, чтобы сбежать вместе с ней как можно дальше, – продолжал бежать, пока все лапы не свело судорогой, и, наконец, упал. Упал, зарывшись носом в снег, и закрыл глаза. Тихий стон отчаяния никто не услышал. Горячие слезы прожигали неровные ямки в снегу и застывали. Он тоже хотел застыть.

Скоро подул ветер с запада, потащил снег. Медвежонок закрыл голову лапками, и наступила темнота.

Какое-то время спустя совсем рядом захлопали крылья. Черные когти-крюки коснулись твердого снега совсем рядом с небольшим холмиком, и большое крыло ударило по его хрупкой корке. Медвежонок медленно открыл глаза. Попробовал пошевелиться – не смог. Слишком замерз. Крыло ударило снова, затем еще раз, и еще. Корка стала трескаться. Птица начала скрести. Совсем скоро показались огромные грозные когти, острый клюв и яркие глаза с крохотными точками-зрачками. На секунду медвежонок испугался, ведь огромная сова пришла явно за обедом, но затем подумал: что же тут плохого? И страх ушел. Он расслабился. У его мамы когти были больше.

Докопавшись до мордочки медвежонка, сова остановилась. Он лежал неподвижно, даже его дыхание было тяжело заметить. Какое-то время сова смотрела на него то ли с удивлением, то ли с непониманием, а медвежонок молча ждал, когда она приступит к трапезе, и не открывал глаз. Затем острый клюв впился ему в загривок, и сова потащила. Медвежонок оказался тяжелее, чем ей показалось, и не сдвинулся с места. Тогда сова впилась в его плотную шкуру покрепче и стала хлопать крыльями изо всех сил, поднимая снег. Медвежонок не сопротивлялся, и в какой-то момент сова смогла-таки чуть-чуть его сдвинуть. Почувствовав это, она принялась бить крыльями еще сильнее, с таким остервенением, словно хотела утащить его в небеса. И тогда медвежонок, наконец, понял: сова не хотела его съесть, она хотела помочь. По его белой, покрытой льдом и снегом мордочке стекла еще одна горячая слеза. И медвежонок стал подниматься. Лапы отказывались слушаться, сгибались, но сова продолжала тянуть, и скоро он встал.

Усталая сова грохнулась рядом и уставилась на медвежонка. Взгляд ее говорил многое, но понял он мало. Утер морду, как смог, и осторожно боднул сову в бок. Та шатнулась и недовольно ухнула.

Солнце приближалось к черной линии горизонта. Медвежонок боялся темноты. Ну, то есть на самом деле, конечно, не боялся – он же белый медведь, грозный и могучий хищник, он ничего не боялся. Просто опасался. Он никогда не был в темноте один. До сих пор. От мысли о том, что сова вот-вот вспорхнет, и он останется один посреди ледяной пустоши под покровом ночи, по телу пробежала дрожь. И сова, словно услышав это, тут же взлетела.

Медвежонок в ужасе подпрыгнул, потянулся за ней, с беспомощным стоном задрав мордочку к небу. Но сова не собиралась бросать его. Она сделала круг прямо над его головой и указала клювом куда-то в сторону – туда, куда следовало идти. Медвежонок все понял и затопал на восток, следом за новым другом.

К наступлению темноты они добрались до небольшого поселения человека. Медвежонок не хотел идти туда, но спокойствие и уверенность

совы убедили его. Птица показала ему безопасный путь мимо сонных собак к железным коробкам, где валялось всякое пахучее. Там он нашел немного странного мяса и что-то непонятное, но вполне съедобное. Сама сова не стала есть, но посидела рядом, отчего медвежонку, кажется, сделалось даже теплее.

Потом сова нашла ему укромное местечко среди непонятных деревяшек, где можно было переночевать. Она забралась в темный угол вместе с медвежонком и позволила прижаться к себе – только так он перестал дрожать и смог уснуть.

Через час или два сова осторожно выбралась из крепких объятий медвежонка и неслышно взлетела. Где-то к югу отсюда ее ждали маленькие птенцы, и она не могла остаться с медвежонком надолго, как не могла и объяснить ему этого. Она обернулась, разглядывая уменьшающееся белое пятно среди хлама у полярной станции и с трудом сдерживая слезы. Она была уверена: с медвежонком все будет хорошо. Сова знала местных людей – они не убивали ради удовольствия, хоть и носили ружья. Они не бросят сироту.

Медвежонок проснулся на рассвете. Совы рядом не было, только ветер лениво трепетал странную шуршащую штуку среди деревяшек. Медвежонок еще не совсем проснулся, и страх не успел взять под контроль его детский разум. Вчерашние события слегка отодвинулись в памяти, словно сделались размытыми, не совсем настоящими. Сейчас по-настоящему его интересовало лишь одно – еда.

Медвежонок осторожно выбрался из ящика и побрел к тому месту, где ел вчера. Ветер дул с правильной стороны, так что собаки его не учуяли. Сегодня среди мусора и объедков ему удалось отыскать настоящее сокровище – банку из-под сгущенки. Запах был просто чудесный.

Недолго думая, медвежонок сунул нос в банку и стал слизывать остатки сладости со стенок и дна. Но стоило случайно дернуть мордой, как острые края врезались в кожу. От страха и неожиданности медвежонок рванулся бежать и ударился о мусорные ящики. Псы тут же подняли лай. Где-то позади хлопнула дверь, послышались людские голоса.

Ужас охватил медвежонка. В панике он хотел было броситься наутек, как вчера, позабыв обо всем на свете. Но дурацкая банка так больно врезалась в нос, что он не удержался и попробовал снять ее лапой – сделал только хуже. А когда развернулся, чтобы бежать, люди уже приближались к нему. Двое, большие и совсем не бледные. Один – с громовой палкой в руках.

Медвежонок забился промеж мусорных ящиков. Все его нутро сжалось, дыхание перехватило, а сердце колотилось с такой силой, что, кажется, было готово вырваться наружу. Испуганный взгляд маленьких темных глаз перескакивал с одного человека на другого, ища знакомые

черты, но все никак не находил. Они приближались медленно, осторожно, и смотрели на него неотрывно. Медвежонок не выдержал и закрыл глаза – но совсем не как вчера, под слоем твердого снега. Сейчас он хотел жить.

Несколько секунд не происходило ничего, только осторожные шаги людей делались ближе. А потом банка, эта проклятая ловушка с острыми краями, вдруг слезла с его носа.

Медвежонок медленно открыл глаза. Оба человека сидели рядом с ним, а громовая палка лежала в стороне. И глядели они совсем не как хищники и даже не как падальщики.

Один из людей, с мохнатой мордой, медленно поднял руку и протянул к медвежонку. Тот непроизвольно сжался и прищурился. Но когда теплая и мягкая ладонь легонько коснулась его мордочки и нежно провела по шерсти, ему стало спокойнее. Медвежонок еще раз взглянул на лица людей и вдруг заметил в них что-то знакомое – что-то в их глазах, что уже видел прежде в глазах мамы, и в глазах совы тоже. Что-то, чего он пока не мог понять, но что отлично чувствовал. Не все люди были чудовищами.

Медвежонок закрыл глаза, позволяя теплым рукам гладить его, и страх быстро рассеялся. Боль отступила, и словно долгая ночь завершилась.

*сильные девочки
идут на линейку в капронках,
даже если снег в сентябре.
сильные девочки
отвечают на биологии
про пестики не смеясь.
сильные девочки
приходят домой вовремя,
хотя мама их вовсе не ждет.
сильные девочки
дают списывать математику
девочкам послабее.
сильные девочки
получают золотую медаль,
чтобы поступить в институт
подальше от дома.
сильные девочки
путешествуют в одиночестве
по стране и за ее пределами.
сильные девочки
пережили бы
Помпеи и Армагеддон.
сильные девочки
рождаются 17 сентября.*

*снять пиджак,
расстегнуть
верхние пуговицы рубашки –
мам,
я такая серьезная
и большая –
даже страшно.
мне в пору
четыре раза на дню
влюбляться,
а не разбираться
в налоговых декларациях,*

*и от усталости
впадать
в истерический смех.
мама,
я не хочу быть сильнее всех.*

А.М.

*часы не ходят
от шести к пяти,
а седина обратно
не чернеет —
с утра в косу
старательно вплести
и выпусти,
когда повечереет.*

*и с нею память
робко отпусти,
она тебя ни разу
не жалела
в те дни, когда
в пылающей груди
сады цветов
безжалостно мертвели.*

*в зеленых видеть
отчетливо карие.
сбегать из города,
где не ходят даже
трамваи.
четыре года
хоронить память,
чтобы потом
в первый день лета
стоять, выпекать блины.*

*и, в общем-то, в этом
нету ничьей вины —*

*глупо кого-то ругать,
если точно его любил.
но как объяснить
это больному сознанию?
я не знаю,
как объяснить,
что человек был,*

*и теперь о нем —
только в прошедшем времени.*

*у сердца тебя ношу
магическим минералом,
чтобы раньше времени
не умирало.
чтобы быть наделенной
священной силой,
где бы тело брренное
ни носило.
чтобы не сломаться
от холода и скандала,
как бы нутро ни кричало
и ни рыдало.
и когда херувимы
копали бы мне могилу,
самаэль защищал,
чтобы ничто
меня не убило.*

*моя любовь мнит себя
минимум демиургом,
но когда курит,
бросает все мимо урны.
считает себя
умнее, сильнее всех.
но боится, что выпадет
первый снег.
и робеет,*

когда делаю вид,
что мне плевать
на ее хрупкий мир.
моя любовь уязвима,
как детский крик
про невозможность сказать,
что болит.

счастье —
это касаться
твоего запястья.
не пытаться
держаться
точно знать,
тут ничто
тебя не сожжет.
каждый здесь
очень сильно
кого-то любил,
и получил ожог.
а теперь остается,
ощущать себя
хорошо.

проходить ежедневно от ненависти
к принятию.
не всегда доходить,
но всегда начинать сначала.
размышлять: принимает ли Бог
по гарантии,
и сменился ли смысл строк
если я бы их прокричала?

осень не начинается вовремя,
осень — поломка замка на ботинке.
перед ней нужна тренировка,
хотя и это не гарантирует,

*что она тебя,
смеясь и мурлыкая,
не заныкает
у себя в подвале,
где вечерами
сшивает иглами
вуду нового бедолаги.*

*октябрь зачем-то кидался камнями,
затаив старые мелочные обиды.
я беру сыр и краковскую по скидке,
рассчитываясь двушками и рублями.
я никогда не буду такой молодой,
как сегодня, седьмого десятого,
шарф и пальто выглядят грубовато,
но под ними очень трепетная душа.*

*женищина в продуктивном
прошла меня насквозь.
я почти поверила,
что меня уже нет,
но она извинилась.*

*я куда-то иду,
я плетусь, как в пастве,
и даже неловко
тратиться на чернила.*

*стихи – сублимация,
только ведь мне не легче.
я чувствую боль,
будто удары током.
я держусь из последних сил
за свои же плечи.*

*но, наверное, скоро
отпущу себя ненароком.*

*пересекай наискось площади,
разрезай их воздух
бескомпромиссно.
будто площадь – стекло,
а ты – молодой алмаз,
из которого ничего другого
не вышло.
тебя обрамлять:
будто рукой против шерсти,
будто по школьной доске мелком,
будто прятать нательный крестик
на праведном теле,
что для души мелко.*

*оловянные солдатики
маминоного младшего брата
на заслуженной пенсии.
мы с ними не играем в войну.
они не любят ее вспоминать.
когда что-то спрашиваешь,
они тяжело молчат,
будто не оловянные,
а из сплава платины и осмия.
ничего, brave вояки,
все это в прошлом,
сейчас у нас чаепитие,
скоро придут куколки
и заяц из киндер-сюрприза.
мы обсудим планы на лето
и книгу из списка школьной
(скучной) литературы.
и сделаем вид, что не слышим,
как ругаются мама с папой
в комнате через стенку.
ведь никто не воюет.
никто нигде не воюет.*

*Каждый Иисус распят на своем кресте.
Он не тяжелей и не легче, чем у других.
Я повторяю раз пять: я родилась во Христе.
Не дай мне уйти с Сатаной, вбитым под дых.*

*Каждому собственный гвоздь в ослабевающую длань.
Свой персональный укус в ответ на мольбу:
«Дайте испить...» И в твою беззащитную лань
Без объявления войны начинают пальбу.*

*Каждому личная капля воды на лоб
Строчит секунды до дня, где лишишься ума.
Каждому свой конвой, что ведет его в гроб.
Каждому чаша своя, чтоб испить до дна.*

*Не попрошу со мною делить мой хлеб,
Черствый и горький. И терпкое пить вино.
Только не плюй на мой обветшалый герб
И не мешай мне любить то, что мне дано.*

*Бесбармачные мои, безбарачные,
бессрочные, внеурочные, междубрачные
годики. Поцарапались в кармане ходики.
Нет ни ритмики теперь, ни мелодики.
Опять вспоминать, как слова помещать в тетрадь.
Прилегла уставшая стрелочка полежать
в самом низу застекольного круга.
«Полетели со мной, – говорит, – Белочка».
«Полетели, – говорит, – подруга».*

*Руки высветлены тонкие, барочные,
выделенные, полоторные, междустрочные.
Ножки-строчки не кривенькие? Приглядишься.
Не шатается ли структура? Не на волоске ли жизнь
болтается, на посеребренном пудрой седины?
Руки учатся крест убирать с сутулой спины
на свободную грудь. Как-нибудь, да срастается,
да из швов подпупочных получается девочка.
Чтоб не только уметь вдыхать, но и не забыть отдохнуть.*

*Нахальные мои, жестокие, личные,
бахвальные, неустойчивые, неприличные
Эоловы идола, да ветреные чужестранцы.
Прихожу с караванами – прочь убираюсь с ранцем.
На скорую руку набрасываю, да сразу же на мольберте.
Слово за слово – не верьте, я вам говорю, не верьте
ничьим самовольным черновикам. Не вашей рукой
нарисовано? И адресовано, значит,
не вам.*

*Осторожно, двери закрываются. Следующая – Удельная.
От тебя по расстоянию примерно как от Антарктики Китай.
И даже если долго будешь лежать подстреленной –
То потом все равно взлетай.*

*Осторожно, в ближайшие три часа на территории области местами
Ожидаются сильные дожди, усиление ветра с порывами...
И даже если встречаешь шторм с паршивыми моряками –
Не заканчивай с рыбами.*

*Осторожно, надевайте маску, соблюдайте дистанцию.
Полтора от простых и два с половиной от тех, кто хочет потрогать.
Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...
Нескончаемая дорога.*

*Не влезай, убьет. Осторожно, окрашено.
Опасный участок пути. Warning! Wet floor.
И даже если с утра так чертовски страшно –
То тебе повезло.*

*Это – не пальмы Майами.
Это – не брызги дайверов и не азарт фри-роупа.
Это экскурсии хлеце.
По личным кругам. По аду из Данте.
Кожа лица, пропитанная солями.
Деточка, выросшая в угрюмого мизантропа.
Рисунки чернее. Контур резче.
Все холодней под пятой у каменного гиганта.*

*Это не фото с солнечных пляжей
где ты, парео свое теребя,
прячешь лицо, стоя в пол-оборота.
За чужими фото, хэштегами пошлыми, какао с зефиром..
Это гораздо гаже.
Это экскурсия вечная в самый Освенцим себя.
Это глядеть в глаза себе прямо: вот он ты. Вот он.
Сделал все то, что вы не осилили собственным миром.*

*Эти моря не теплые и не чистые.
Это не дивные виды Гавайев и не ракушки из Гонолулу.
Не молочко кокоса на пальцев костяшках краснело.
Запоминай: здесь не будут рады туристам.
Только вот ... Я плыву там, где бы ты утонула.
В водах холодных этих, с оторванными плавниками,
с обледеневшим телом.*

*Я все еще держу над волнами взгляд.
Вижу вперед на шаг.
Наизусть знаю пошлые повести,
глупые сказочки,
классические трагикомедии.
Ну а как ты хотела? Как?
Чтобы из вас, из предавших,
отмерших, отпавших, пропавших без вести.
Больше никто никогда не вошел назад.*

Danse macabre

*Мы в будущее вышли сквозь окно,
туман давил всей тяжестью столетья,
Осколками рассыпавшихся снов
блеснула жизнь в безумии последнем.
Кровоточили камни и столпы
времен, давно продавшихся за шекель,
Чернее я не помню пустоты,
чем выжженные тропы и траншеи,
Раздернутых небес погасший лик,
теней окостенелых силуэты,
И страшный треск расколотой земли
и есть та песнь, которая не спета.*

*Мы раньше были чище и добрей,
деревья не вращали в посмерть
ушедших душ. И нравилось стареть
домам, в которых радовались дети.
Родных просторов звуки и огни
будили тишь нетронутых окраин,
А горем не разорванная нить
сшивала тьму надежным ровным краем.*

*Рассвет был безупречен и велик,
как исполин над водами морскими,
Цари небес помыслить не могли,
что сокол над ужом давно бессилён.
Ослепшей боли в сердце не унять,
/повеяло погостною прохладой/ –
Так птица умирала на камнях
под danse macabre разверзнутого ада.*

*Сейчас же, зная цену всем вещам,
а жизни до предела обесценив,
Мы разучились верить и прощать,
мы научились двигаться без цели,
Забыв о том, что в постзакатной мгле
на тропах беззакония нет правых,
Но на глухой сорваться фистуле
/так Бродский говорил/ – еще нам рано –
Себя /не их/ сумев перебороть,*

*не изменив ни черту и ни богу,
На лезвии раздробленных миров
остаться верным собственному слову.*

Вырвано из контекста

*И когда догорят в нашей памяти даже кавычки,
Неоконченных строк разлетится в ночи переправа,
Жизнь из ряда привычного самое важное вычтет,
Оставляя лишь громкие буквы в нелепой оправе.*

*И мы тронемся в путь, утопая в причудливой фальши,
Придавая словам синтетический смысл и звучанье,
Будут множиться звуки, расти вавилонские башины,
А в зеркалах времен отражаться чужие печали.*

*Но взглядишь повнимательней – воздух совсем не бесцветен,
На ярчайшей оси мир вращается в радуге рая.
Мысль есть камень, а камни растут незаметно,
И когда-нибудь мы прорастем в них, себя познавая,*

*А чернильные капли, как зерна спасительной полбы,
Упадут на поля ожидающей всходов тетради,
И, я знаю, бескрайнее, емкое, сильное Слово
Станет взглядом эпохи, величие в нас возрождая.*

О любви

*Порыв дождя смывает этот день, и в лужах тонут питерские скверы,
В дверях стоит неузнанный апрель, которому так нужно в лето верить...
И мы с тобой, две тени у реки, сумевшие стать светом и надеждой,
Над пропастью небес всем вопреки слагаем из осколков слово «нежность».*

*Весна так восхитительно легка, как бабочка на тоненьком запястье,
как песня, не забытая в веках, или строка, наполненная счастьем.
С лучами солнца наперегонки, стремясь достичь недостижимость неба,
К высокому стремятся лепестки, как две души, бессмертия отведая.
Как бисер, рассыпаются слова по нашей совмещенной параллели,
И мыслей необузданная власть их делает весомей и сильнее...*

Любовь... Любовь...

*ни сжать, ни распрямить – ее углы так безупречно ровны,
Как путь с тобой, где каждый светлый миг оправдывает все, что
было в прошлом.*

*Мы, пленники придуманных свобод, все думали, что век не длится
дважды,*

Но, топ аті, прокручивая срок, кольцо времен ведет к истокам нашим...

*Уставший дом, хранивший голоса родных людей и памятные даты,
Не выжженный морозами тот сад, в котором было тихо и отрадно...*

*Когда-нибудь, на сгорбленном мосту,
склонясь над тем, что не смогло стать вечным,
Мы ощутим агонию разлук и подлинность важнейшей в жизни встречи.
И, чувствуя блаженный трепет волн
не вод морских – переплетенья пальцев,
В аркадии безбрежных берегов нам не придется больше расставаться.*

Поколениям грядущим

*Моя юность сломала хребет о камень,
Я вдыхала с возрастом ртуть и кадмий,
Не пила коньяк, не играла в карты,
Загружала в память Рабле и Канта,
Все искала двери в свое «быть может»,
Не делясь собой, не меняя кожу,
Не считая звезд, не имея денег,
Зрить старалась в корень, но гнулся стебель,
А душа томилась в ничейном теле,
Жить мечтая лучше, чем все хотели.*

*И безумный ветер по медным трубам
Мне свистел о свете пустом и грубом,
Где старуха выла у печки стылой,
Зажимая пальцами свой затылок.
Топорище крепко в кости засело,
Расколов вершины великих целей.
Красный угол сгнил от чужих заветов,
Бог давно иконы тряпьем завесил –
Николай, Матрона, Косма, Варвара...
Всех сменили Ироды да Варававы,
Свод историй пишут цари и воры,*

*Мир плевком сползает по стенам голым.
Время рты зашило стежками туго,
А часы без стрелок внушают ужас...*

*Но грядет багряный рассвет эпохи,
По прогнозам – будет совсем не плохо,
Наши дети звонко откроют люки,
Разорвут полотна своих иллюзий,
И посмеют смело идти по грязи,
Попытаясь верить в себя и в разум.
Перемены, собственно, есть константа,
Каждый шаг способен быть чьим-то стартом,
Добродетель вырвется из загонов,
И баранов сузится круг немного.
Мрак с самим собой поиграет в жмурки,
А мы включим солнце туманным утром...*

*Этот стих звучит словно спич нагорный,
Мне не страшно быть среди масс изгоем –
Обнимать уилсона, трогать небо,
Пить с тобой вино, помнить ценность хлеба...
Оживить десятую музу кряду,
И увидеть святость в простом «я рядом!»*

*Я руками нежно сжимаю шею
до краев наполненного фужера...
Мысли с каждым годом все выше, шире,
и деревья стали опять большими...*

Сгоревшее светило

*Стареет память каждый год, и мысли крошатся,
Все тише шаг, пустынной дам под крышей прошлого,
А на развернутом холсте дорог непройденных –
Потоки верст, обломки стен и дат надгробия...*

*И взгляд разбитых фонарей скользит рассеянно
Вдоль троп невыстраданных встреч, по нам, потерянным.
Белеет полная луна в небесной заводи –
Теряют вкус и вес слова под жизни занавес...*

*А в окомах мертвых душ, гремя пустотами,
В нечеловеческом бреду, в мещанской копоти
Сгорает не одетый век, корней не помнящий,
И ждать не стоит перемен в разменной полночи.*

*В сюжесекундных временах виновен стрелочник,
Идет вслепую наш корабль на скалы встречные,
Полынь-трава в руках моих сочтется горечью,
Исчезли страхи, стоны, крик – лишь многоточие...,*

*Как продолженье тишины, как тень бессилия
В грядущем множит на нули высь неба синего.
Все тише звук, все ближе к нам звезда последняя,
В лицо летит зола и прах – Земли наследие.*

Поэты живут

*Сжигаем без оглядки все мосты
над пропастью неузнанного рая.
Погас рассвет и мне пора остыть,
кардиограмма города – прямая.*

*Шумит апрель в объятиях листвы,
дождями разливается пространство,
В плену потерь остались я и ты,
или, быть может, ради новых странствий*

*Мы раздробили спаянность путей,
расплавив и замыслы, и чувства,
Любви, как самой горькой из потерь,
не стать уже ни счастьем, ни искусством,*

*И мертвой перекрученной петлёй
замкнется круг и перехватят горло
Слова, что, пересиливая боль,
все рвутся сквозь преграды и невзгоды.*

*Из сора, щебня, боли и тоски
рождаются стихи, спасая весны
Поэтов – тех, кто горю вопреки
живет на пике и лавин, и взлетов.*

*Здесь каждый миг, как драгоценный кадр,
как всплеск волны, смывающей печали...
Любимым надо верить, и искать
в любом финале светлое начало,*

*В сложнейшей из начертанных дорог
не потерять свои ориентиры,
И самой сильной из бегущих строк
родные души склеить воедино.*

Лучшая работа в мире

– Ковидом болели?

Пожилая женщина недоуменно смотрит на меня.

– Молодой человек, у меня рука сломана, если вы не заметили, – подмечает негромко.

Для убедительности указывает глазами на загипсованную левую руку. Я прекрасно вижу, с чем она поступила в наше приемное отделение, но все равно вынужден задавать однотипные вопросы. Бросаю взгляд на часы. Уже почти утро, а пациенты все поступают и поступают. Вновь смотрю на старушку.

– Да, я понимаю. Но мы обязаны проводить небольшой опрос по ковиду. Такие правила.

Слова «такие правила» действуют на пациентов волшебным образом. Если, конечно, они не «с легкой алкогольной интоксикацией», как с честными глазами заверяет фельдшер «скорой». То есть, если человек способен сообщать и кое-как изъясняться с медицинским персоналом. Эта пациентка вполне себе адекватна. Она с упорством пионера пытается вспомнить, когда последний раз болела ковидом, и болела ли им вообще. Я уже пожалел, что самостоятельно не проставил эти чертovy галочки и не протянул ей листок на подпись. Спыхватываюсь и, пока женщина погружается в память, хватаю телефонную трубку. Набираю номер гипсовой.

– Алло, – на том конце травматолог.

Нутром чувствую, что вместо «алло» он хотел сказать что-то другое, менее лицеприятное. Четвертый час ночи дает о себе знать, и я, запинаясь, говорю:

– Вас беспокоит пациентка с переломом левой руки... ой, то есть сидячая смотровая, приемное отделение, к нам поступила....

– Иду, – чуть бодрее отзывается врач и кладет трубку.

Я ухмыляюсь в маску и возвращаюсь к пациентке.

– Не помню, – наконец изрекает она и грустно, заискивающе улыбается.

Отвечаю дежурное «ничего страшного», проставляю галочки и отдаю листик на подпись. Женщина долго примеряется, ставит наконец заветную закорючку. Из коридора бодрым шагом выходит доктор:

– Здравствуйте, пройдемте за мной.

Уходят. Я оглядываю небольшой зал для «ходячих» пациентов. Почти все стулья пустуют, лишь какой-то перебравший вечером «беленькой» дедок с фингалом спит на последнем ряду, привалившись к стене. Я выдыхаю, сажусь на стул. Хочется пить, в душ и спать, а до конца смены еще больше трех с половиной часов. Выдыхаю, достаю из кармана телефон, чтобы на какое-то время отвлечься. Открываю новостной канал....

* * *

– Волшебник, взлет разрешаю.

Крайний раз, пока на земле, бросаю оценивающий взгляд на приборы. Все в норме.

– Принято, Башня. Иду на взлет.

Защелкиваю стекло защитного шлема, киваю механику и показываю ему поднятый вверх большой палец. Михалыч стучит засаленной перчаткой по фюзеляжу и машет рукой. Даю тягу, выруливаю из укрытия. «Пасмурно, северный ветер 9 метров в секунду», вспоминается предполетный инструктаж.

– Волшебник-1 на связи, проверка. Как слышишь меня?

– Волшебник-2 на связи. Слышу прекрасно, капитан.

– Высылаю координаты цели. Отрабатываем аккуратно. Одна попытка и сразу назад, без геройства. Разведка вчера засекла «Пэтриот» в районе работы.

– Вас понял.

Люблю работать с Колей. Спокойный, как танк, немногословный. Удивительные результаты показывает. Понятливый, хоть и молодой. Пока выруливаю на полосу, бегло оглядываюсь. Говорят, опытные летчики могут увидеть тяжелый вылет еще с земли, просто взглянув в небо. Я ничего такого в сегодняшнем утре не заметил.

– Стартую, ты сразу за мной. Иду в набор.

– Принято, иду следом.

«Сушка» слегка вздрагивает, когда я выкручиваю мощность на все сто. Перегрузка вдавливают в спинку кресла. Штурман чуть слышно матерится.

– Когда уже нас переведут из этой дыры, мать их так-этак, – вслух говорит Серега.

Штурман от бога. Получил ранение год назад, машину сбили «Панцирем», свои же. Глупо получилось. Летчик, Слава Коржов, погиб. А Серега выжил. Когда на базу приполз, все говорил: «Жена меня молодая ждет, Аленка. Рано мне помирать». Подлечился и в строй вернулся. Правда, брать его никто не хотел – суеверные.... Определили ко мне, а я и не против. Хороший штурман стоит половины самолета.

«Взлетка» короткая. В угоду маскировки, как говорят начальники. Работает не очень – дроны регулярно налетают, но имеем, что имеем. Отрыв. Трясти перестало. Сверяюсь по приборам, машина стремительно набирает высоту. Оглядываюсь, вижу, как так же резво взлетает ведомый.

– У нас все к работе готово?

– Да, подвески зеленые, работаем с расчетной дальности. Заходим на курс, – Серега чеканит координаты, склоняется над приборами.

– Курс принял, – отвечает штурман Коли.

Все никак не могу запомнить его имя... Недавно к нам перевели. Кошусь на приборы. Высота 2000. Начинаю плавно выравнивать самолет, подвожу ровненько к 2500. Дальше иду в горизонте. Первый вылет за сегодня, голова свежая. Хочется как-то пошутить в эфире, сказать что-то ободряющее. Но нельзя – приказано соблюдать радиомолчание по возможности. Влетаем в белую стену облаков. Земля скрывается снизу, иногда просвечивает сквозь небольшие окна черными пятнами. Весна... Разверзлись хляби небесные.

– До сброса 15 километров, приготовились.

Уже который месяц долбим проклятый «Авдос». Там, внизу, пехота день за днем совершает невозможное. А мы, как можем, им помогаем. Совсем недавно в полк поступили долгожданные ФАБы с УМПК. Дело пошло лучше. Правда, ждать от противника «ответки» долго не придется – разведка то и дело докладывает о ЗСУ в зоне работы нашей авиации. Пока, слава Богу, без потерь.

– Внимание, влетаем в зону соприкосновения, – говорит Серега.

– Включаю РЛС в режим поиска.

Радар запищал, сканируя местность вокруг. Вот на его зеленом поле появилась мерцающая точка – ведомый.

– Захожу на цель, – тяну ручку влево, ухожу в неглубокий вираж и чуть опускаю нос самолета. До цели – считанные километры, секунды полета.

– Навожусь на цель, – шепчет Серега.

При работе он всегда говорит шепотом, чтобы не спугнуть удачу. Я привык. Держу ручку ровно, хоть «сушку» немного потряхивает. Внимательно слежу за волнами РЛС на зеленом поле. Внизу кипит бой, но смотреть на него особенно некогда. Очередная волна радара на мгновение застревает... и уши режет резкий писк....

* * *

– Снимите ЭКГ мальчику, – к посту подошла молоденькая врач-хирург.

Я оторвал взгляд от интересного поста известного блогера-военлета. Что ж, пора возвращаться из мира грез к суровой действительности. За спиной доктора медленно шел бледный молодой человек лет тридцати, держась за живот. Судя по гримасе, ему было больно.

– Да, сейчас сделаю, – ответил я и жестом указал «мальчику» на дверь смотровой.

ЭКГ-аппарат противно пищал. Я привычно расположил электроды на оголенной груди пациента, включил электрокардиограф и нажал на компьютере кнопку «Записать ЭКГ». Аппарат запищал чаще. На мониторе старательно вырисовывалась «кошачья спинка». Я сглотнул. Бросил взгляд на пациента. Мужчина закрыл глаза, тяжело дышал. Главное – не выдать напряжения. Я дождался, когда принтер выплюнет распечатанную кардиограмму, бегло проглядел. Так и есть, острый инфаркт!

– Подождите, я ручку на посту забыл, – как мог спокойней сказал я.

Черт с ним, что ручка лежит в нагрудном кармане. Аккуратно прикрыв дверь, я побежал по коридору к комнате дежурных врачей....

* * *

– Сброс, – самолет тряхнуло.

ФАБы полетели к цели. Почти в это же мгновение радар истерически запищал.

– Волшебник-1, на боевом «Пэтриот» засветился!

– Вижу, – прошипел я.

– Вывози нас отсюда! – рявкнул Серега.

– Первый, по тебе пуск! Первый, как слышишь? По тебе пуск!

– Вижу, второй, – я слышу чей-то голос и не сразу понимаю, что он мой.

«Крыша» услужливо говорит, с какой стороны и с какой скоростью летит ракета. Я резко кладу ручку влево и что есть мочи тяну ее на себя. Самолет послушно уходит в глубокий вираж, разворачиваясь на домашний курс. Серега сипит в микрофон, в глазах темнеет.

– Нет, сука, не возьмешь, – рычу я в эфир, возвращая ручку в исходное положение.

– Крути маневр! – кричит Коля.

Я краем глаза замечаю белую черту справа. Угадал. Нутром почуял. Пускаю ЛТЦ.

– Два километра, справа! – сипит Серега.

Из носа что-то течет. Нет, Серега. Тебя все еще ждет Аленка. Я выдыхаю и рву ручку на себя с левым креном, уводя самолет в спираль.

Когда мы с дежурным по шоку хирургом, опережая спешащих с каталкой санитаров, влетаем в смотровую, то сначала слышим оглушающий, страшный писк.

– Остановка! – выкрикивает на бегу врач.

В висках бьет кровь. Подлетаю к пациенту и срываю с него электроды кардиографа.

– На каталку его! – командует хирург.

Врач хватается руку пациента. Пытается нащупать пульс. Пока санитары с моей помощью перекадывают мужчину на каталку, хирург констатирует остановку сердца.

– В шок!

Забегает вместе с каталкой. Дежурная бригада на месте. Меня выталкивают из операционной. Дверь закрывается. Прошло не больше минуты. Сердце бешено колотится, кажется, будто выпрыгнет из груди. Постепенно успокаиваюсь, возвращаюсь на пост. Понимаю, что где-то на бегу подвернул ногу. Чертыхаюсь про себя, когда в дверь приемного покоя входит человек в куртке с надписью «Скорая помощь». Да сколько ж можно.... Мозг услужливо припомнил строчки известной песни: «Мне бы, мне бы, мне бы в небо...».

Почти на пике спирали сбрасываю ручку вниз. Писк РЛС складывается в один тон. Или это в ушах звенит? Самолет ощутимо трянуло. Ужас липким комком застревает в животе, готовый вырваться наружу с матом и паникой. Но я молчу. Смотрю на приборы. Серега тоже молчит. РЛС следует нашему примеру и замолкает следом. Плохо.

– Вы живы? – сквозь шум в ушах слышу голос ведомого.

Хочу ответить утвердительно, но что-то не дает покоя...

– Двигатель, твою мать, – выдавливает Серега.

Осознание приходит спустя мгновение. Ракета сдетонировала об ЛТЦ, но осколками вывела из строя правый двигатель «сушки». Я быстро сбавляю мощность, чтобы избежать пожара. Все-таки, Бог есть – мы до сих пор летим. Пусть и слегка вниз. На радаре все еще горит «ЗАХВАТ», но сейчас пресловутый «Пэтриот» нам не страшен. У него, как и у нас, всего одна попытка.

– Охотник координаты принял, – слышу в наушниках незнакомый голос.

Видимо, кто-то с «земли». Замечаю, что до этого не слышал, как они переговаривались с «крышей». Сейчас это не важно. Мы теряем высоту.

– Дотянем? – спрашивает Серега.

Я думаю. Хочется схватиться за «держки» и послать к черту все это. Но тут же подключается азарт: хрен вам, черти, а не победа. Пытаюсь выровнять машину в горизонт. Получается с трудом, ручка словно в цемент влита. Однако выравниваемся.

– А то, – пытаюсь ответить максимально бодро.

Кровь в носу подсохла, шмыгаю, чтобы легче дышалось. Самолет слегка кивает носом, но летит. В очередной раз мысленно пою дифирамбы российским конструкторам. Эх, сейчас бы где-нибудь в бюро с чертежами разбираться....

* * *

– Постсинкопальное состояние, легкая алкогольная интоксикация...

– Она адекватная? – задаю самый важный вопрос.

Когда «скорая» говорит о «запахе алкоголя», появляется огромный соблазн отправить пациента в изолятор, пусть там разбираются.

– Да, конечно. Ей 19 лет, – с легкой укоризной отвечает врач.

Я оглядываю пустой зал:

– И где она?

– В уборной, сейчас подойдет.

19-летней девушке, конечно, нечего делать в изоляторе. Я выдыхаю. Ничего, не сахарный, от еще одного пациента под утро не развалюсь.

– Попросите ее подойти, когда выйдет, – ставлю штамп в листок «скорой».

Девушка не спеша идет к посту в сопровождении фельдшера. Что-то негромко ей рассказывает. Когда они подходят ближе, до меня долетают обрывки фраз:

– Со мной такое бывает... я знаю... извините.

Фельдшер – полноватая девушка с круглым, добрым лицом – бросает взгляд на меня и смущенно улыбается. Я улыбаюсь в ответ, только потом понимаю, что делаю это через маску. Пока они подходят, разглядываю пациентку. На ней бежевое пальто, капюшон на голове. Невысокая, аккуратная... Я представил, как ей бы пришлось ждать восьми утра в изоляторе, и поморщился...

– Спасибо вам большое, – негромко проговорила девушка фельдшеру. – До свидания!

– До свидания, – отвечала фельдшер. – Не болейте.

– Здравствуйте, – я на мгновение перехватил взгляд девушки, но не задержал его, наклонившись к бумагам. – Ваш номер телефона, адрес проживания и место работы, пожалуйста.

Девушка негромко отвечала.

– Паспорт, полис, СНИЛС. Документы нужны для оформления

истории болезни, – говорю привычную фразу и встречаюсь с пациенткой глазами. Голубыми, как небо....

* * *

«Сушка» нас довезла. С трудом, на минимальной мощности, но довезла. Когда касаемся полосы, Серега громко матерится и смеется. Чувствую, как он хочет по-братски ударить меня по плечу, но не решается – все-таки я еще держу штурвал. Пот ручейками стекает по шее. Шекотно. Сил остается совсем чуть-чуть. Самолет останавливается, фонарь с шипением отваливается и громко падает на бетон. К нам на всех парах летит «скорая» и пожарные. Я выдыхаю, стягиваю защитный шлем. Подставляю лицо ветру. Серега уже выпрыгивает из кабины, падает на бетон и все смеется. Веселый. Я вываливаюсь следом. Жесткий бетон дарит приятную прохладу спине. Смотрю в голубое утреннее небо. Улыбаюсь, сам не знаю чему.

– Лучшая работа в мире, – шепчу пересохшими губами.

* * *

– Давление у вас хорошее.

– Здорово, – отвечает пациентка, – Извините, что доставила вам неудобства.

Мне становится стыдно за недавние мысли. «Такая приятная девушка», проносится в голове. Смотрю на нее, и словно разряд тока получаю.

– Я, наверное, пойду. Мне уже, правда, лучше, – девушка встает, надевает пальто.

– Что ж, если вы так хотите... под вашу ответственность, – неуверенно говорю я.

– Да, да, я понимаю. Извините еще раз, – она улыбается и уходит.

Чуть задерживается в дверях. Я, наконец, собираюсь с силами, бросаюсь следом:

– Девушка, подождите...

В душе тепло, когда я на оборванный листик записываю ее номер телефона. Уже для себя, а не для истории болезни. Возвращаюсь на пост с улыбкой. Из сестринской возвращается заспанный сменщик. А это значит, что скоро туда пойду я.

– Ну, как прошло? – спрашивает коллега.

– Лучшая работа в мире, – с улыбкой отвечаю я.

Словарь терминов и аббревиатур:

1. УМПК – универсальный модуль планирования и коррекции, применяется в бомбардировочной авиации.
2. ФАБ-500 – фугасная авиационная бомба, 500 кг.
3. «Пэтриот» – американская зенитная самоходная установка «Patriot».
4. «Сушка» – Су-34, советский и российский многофункциональный фронтовой сверхзвуковой истребитель-бомбардировщик..
5. «Панцирь» – российская зенитная самоходная установка «Панцирь-С1».
6. «Взлетка» – взлетно-посадочная полоса, ВПП.
7. «Авдос» – Авдеевка, укрепрайон ВСУ.
8. ЗСУ – зенитная самоходная установка.
9. РЛС – радиолокационная станция, радар.
10. ЭКГ – электрокардиограмма.
11. Военлет – военный летчик.
12. ЛТЦ – ложные тепловые цели, используются в авиации для отражения ракет с инфракрасным наведением.
13. «В шок» – подразумевается операционная для экстренных пациентов.
14. «Держки» – рычаги экстренного катапультирования.
15. Постсинкопальное состояние – состояние после обморока.
16. Фонарь – в авиации прозрачная часть пилотской кабины, защищающая экипаж и пассажиров от воздействия встречного потока воздуха, погодных условий и от шума, а также обеспечивающая визуальный обзор.
17. «Крыша» – в авиации самолет дальнего радиолокационного обнаружения и управления.
18. «Кошачья спинка» – один из ЭКГ-признаков острого инфаркта миокарда.

Несезон

*Мы вернемся быстро, но не все:
Кончится последняя планерка –
Оставаться в целом мало толка,
Мы вернемся. Быстро, но не все.*

*Мы запомним всех, кто сердцу мил,
Но забудем то, что с ними стало.
Не уехать с этого вокзала
И найти другой не хватит сил.*

*Мы проснёмся вместе, но не там,
Где дорожный след уходит в точку,
Ставшую прицелом – пусть неточным
Новым целям, чаяньям, мечтам.*

*Наши души в месте не таком,
Позабыть которого нам имя:
Те, кто стал поистине «своими»,
Не жалеют больше ни о чем.*

*То, что называется «сезон», –
По определению конечно
И среди этих пестрых человечков
Чувство, будто ты хамелеон.*

*Время смотрит на тебя в упор:
Собирай, пока не стало поздно
Глаз счастливых бисерную россыпь
В памяти причудливый узор.*

*Мы приедем снова – не сюда,
И увидим тех, кто с нами не был.
Небо пишет на асфальте снегом:
«Мы приедем снова... Не туда».*

Прощание

*В последний раз садимся у костра,
В последний раз играем в две гитары.
Не верим мы, что завтра поезда
Нас унесут на разные вокзалы.*

*Нас обжигает холод сентября,
Глаза блеснут в ночи горячей искрой.
В последний раз касаюсь я тебя,
В последний раз с тобою мы так близко.*

*Отряд поет, а я не замечаю,
Не подпеваю песням их души.
Я понимаю, что тебя теряю...
На ухо ты шепнешь: «Звони-пиши!»*

*«Пиши-звони»! Ты уезжаешь вдаль,
Где воздух бьет электропроводами,
Где вместо сосен – стекла, пластик, сталь
И рельсы клином, вслед за журавлями.*

*Я остаюсь одна среди лесов
В дыму твоей потухшей сигареты.
А мир мечтаний, радости и снов
Растает вместе с днем последним лета.*

*Ты станешь яблоком, подобранным с земли,
Листочком в клетку из моей тетрадки,
Где мы с тобой топили корабли;
Нестертым SMS, что «все в порядке»...
Ты станешь яблоком, подобранным с земли...*

*Ты станешь фоткой, что пылится между книг
И старых поздравительных открыток.
На снимок глядя, вспомню: ты привык
Не создавать искусственных улыбок
Ты станешь фоткой, что пылится между книг*

*Ты станешь ржавым лезвием «Жилетт»,
Которого «нет лучшие для мужчины»,
И все-таки существенной причины
Чиркнуть тобой по венам, к счастью, нет
Ты станешь ржавым лезвием «Жилетт»*

*Но ты – увы – не станешь тем, кем был
– Тем, с кем могла бы я встречать рассветы,
Шутить, мечтать, и, в ожидание лета,
Глядеть на звезды. Все покрыла пыль.
Да, ты уже не станешь тем, кем был.*

Осень

*Расплетись, покрасься, вали из дома –
Бусами звенеть вдоль обочин трасс:
Плеер шепчет Башилачевым сквозь босанову
Листьев ранней осени. Без прикрас*

*Молодой рябою ничьей кобылой
Быть легко, когда ветер шумит в ушах:
Можно быть для всех равноценно милой,
Разноцветной юбкою шебуриша*

*Вдохновляться запахом мокрых листьев,
Согревать уютом ночных костров
Душу-беспризорницу, и, по-лисьи,
Зарываться в шеи знакомых псов.*

*И пока за горизонт умотает юность,
Разгоняя твой старый велосипед, –
Переменишь ты не один раз струны,
Стопчешь не одну еще пару лет...*

*Вот и кончается год,
Дни пролистав до конца.
Маска обид и невзгод
Тенью сползает с лица.*

*Падает снег за окном,
Дрогнуло пламя свечи.
Год покидает твой дом
И оставляет ключи.*

*Ты закрываешь тетрадь,
Повесть окончив свою.
Тихо во тьме догорать
Будет свеча на краю...*

*Светит луна сквозь стекло,
Пристально смотрит в глаза.
Время уже утекло:
Год не вернется назад.*

*Вот и закончился год,
С ним исчезает печаль.
Свершила Земля оборот,
Чтоб завтра сначала начать...*

*Черный сапог оставит на белом снегу след,
Люди, как водится, высосут радость и жизнь.
Каждый наш новый день – сплошь ожидание бед.
Тут не помогут пустые призывы «Держись!»*

*Я-то держусь, ведь уныние, знаешь ли, грех,
Думаю я о весне и о теплых котах.
Только что делать, когда не хватает на всех
Нам ни весны, ни пушистых котов, что тогда?*

*В самые темные дни повстречаешь порой:
С первого взгляда обычный, как все, человек.
Не супермен, не с экрана сошедший герой,
Только идет – а за ним лишь нетронутый снег.*

*Свет пробивается в мир у него изнутри.
Да и он сам, не поверишь, как будто свет.
Кажется, стала сама я светлей – посмотри.
Вновь убеждаюсь, что смерти, в реальности, нет.*

*К заливу ночью на краю земли
Хожу смотреть, как дышат корабли.
И слушать мерный тихий шепот моря.*

*Немые рыбы разевают рты
И что-то говорят из темноты,
Сияньем чеши сполохам вторя.*

*А если б их услышать кто-то мог...
Глазами звезд на землю смотрит Бог,
Под взглядом этим отступает горе.*

*Не знаю как, неведомо куда,
Уходит все, и время скоротечно.
Простывшие в сраженьях города
Уж никогда не суждено сберечь нам.
И годы вдаль уносят поезда,*

*И свет не даст печальная звезда,
И будет вечно длиться этот вечер.*

*Я ничего не знаю о войне
И ничего о мире я не знаю тоже.
И оттого печальней мне вдвойне,
Что мир вокруг суровый, непогожий.
Я ничего поделатъ не могу,
Я слышу прошлых поколений гул
И с ними я шепчу: «Прости нас, Боже».*

*Ворочаясь, вздыхает море,
Как будто места не найдет.
Сторожевой корабль в дозоре
За горизонт уйдет вот-вот.*

*В раздумьях об ушедшем лете
Поймешь ты: истины просты.
Посмотришь в небо – станешь светом,
Заглянешь в бездну – след простыл.*

*И пусть в тумане тонет берег,
На землю напoлзает мрак,
Тем, кто в спасение поверит,
Призывно подмигнет маяк.*

*Я навсегда останусь в мае,
Когда до лета – полчаса.
И, телом в землю прорастая,
Душой отправлюсь в небеса.*

*Под крики оголтелых чаек,
Под шум проснувшихся берёз...
По райским облакам скучая,
Я на земле жила всерьез.*

Я не лгала, не предавала,
Все промелькнуло, как в кино.
Земной мне жизни было мало,
Чтоб подготовиться к иной.

А что стихи? Они как воздух,
Как парус помогали плыть...
Как жаль, что начинаешь поздно
За все судьбу благодарить...

Я навсегда останусь в свете,
В покое северного дня.
И будет слушать море ветер,
Как люди слушали меня.

Подписано в печать 09.09.2024 г.
Объём – 114 стр. Печать офсетная. Тираж 150.
Издательство «Дроздов-на-Мурмане»
(ИП Дроздов Олег Валерьевич),
г. Мурманск, пр. Кольский, 206-52.
Тел. +7 921 283 36 56, e-mail: swapo@yandex.ru

Мы благодарим всех, без кого не состоялся бы XIV литературный фестиваль «Капитан Грэй»:

Профессиональных, строгих, но справедливых экспертов:

Алексей Витаков (Москва),
Алексей Маментьев (Москва),
Нина Ягодинцева (Челябинск),
Виктория Татур (Москва),
Арсений Ли (Москва),
Алла Поспелова (Москва),
Наталия Елизарова (Москва),
Андрей Звягин (Москва),
Ирина Четвергова (Омск),
Татьяна Агапова (Санкт-Петербург),
Екатерина Гладышевская (Мурманск),
Наталия Филимонова (Санкт-Петербург),
Дмитрий Филиппенко (Ленинск-Кузнецкий),
Татьяна Филиппова (Москва),
Марина Номоконова (Дубна),
Надежда Комарова (Красногорск),
Александр Кочич (Мурманск – Нови-Сад, Сербия),
Олег Сюсюра (Мурманск),
Павел Быченков (Мурманск),
Екатерина Яковлева (Мурманск),
Виталий Коротаевский (Мончегорск),
Вадимир Трусков (Санкт-Петербург),
Игорь Панасенко (Апатиты),
Илья Виноградов (Мурманск),
Виолетта Минина (Санкт-Петербург),
Елена Шумара (Санкт-Петербург),
Татьяна Ильдирикова (Ленинск-Кузнецкий),
Алексей Башкиров (Мурманск),
Александр Шарапко (Мурманск),
Елена Крынжина (Мурманск),
Елена Фомина (Мурманск).

Надежных партнеров фестиваля:

Министерство культуры Мурманской области,
Мурманская областная дума,
Комитет по культуре и искусству г. Мурманска,
Совет молодых литераторов Союза писателей России,
Содружество литературных фестивалей России,

Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека,
Мурманская областная детско-юношеская библиотека,
Центральная городская библиотека г. Мурманска,
Мурманский областной дворец культуры и народного творчества
им. С. М. Кирова,
Дом культуры Ленинского округа г. Мурманска,
АО «Мурманский морской торговый порт»,
ФГУП «Атомфлот»,
Мурманский арктический университет,
Отель «Космос»,
Компания «А-Трансфер»,
Издательство «Дроздов-на-Мурмане».

Ответственных членов оргкомитета и помощников:

Дарья Высоцкая,
Вадимир Трусов,
Игорь Панасенко,
Олеся Тихонова,
Инна Воронова,
Елена Фомина,
Наталья Бакуменко,
Наталья Крутий,
Елена Захарова,
Юлия Колмогорова,
Анастасия Герасенко,
Светлана Чемоданова,
Софья Милютинская.

**И всех гостей и участников фестиваля!
Спасибо за этот литературный праздник!**

Илья Виноградов,
Председатель МООООО
Союз писателей России»
руководитель оргкомитета
фестиваля «Капитан Грэй».

Мурманск
2024